

Евгения Омут

СТЕРВЯТНИКИ

Цена правды

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Серия: «Законы зверей»

18+

Законы зверей

Евгения Омут

Стервятники: цена правды

«Автор»

2026

Омут Е.

Стервятники: цена правды / Е. Омут — «Автор»,
2026 — (Законы зверей)

Алина Дмитриенко знает, как продать чужую тайну. Она работает в издании, которое не цитируют в приличных кабинетах, но читают все. Компромат, скандалы, чужие разводы и грязное бельё — её хлеб. Она не идеалистка. Идеалистов, как её отец, хоронят с почестями и забывают через неделю. Правда для неё давно перестала быть ценностью — остались только версии, которые хорошо продаются. Дмитриенко просто делала работу, которая приносила деньги и не требовала совести. Пока однажды в кабинете главного редактора Алина не узнаёт про Международный экономический форум, куда её никогда не пустят. Ради азарта и желания доказать самой себе, что способна на большее, Алина решает проникнуть на мероприятие. Её действия запускают цепочку событий, которую она не планировала и не могла предвидеть. Её втягивают в игру с чужими правилами. И чем ближе Алина подбирается к разгадке, тем яснее понимает: правда, за которой она приехала, может её убить.

© Омут Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Охотница за скандалами	6
***	7
Глава 2. Поддельная реальность	18
Глава 3. На запретной стороне	31
Глава 4. Чужая шкура	42
Глава 5. Идеальная подозреваемая	51
Глава 6. Безвыходный компромисс	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Евгения Омут

Стервятники: цена правды

Глава 1. Охотница за скандалами

Дисклеймер

Все персонажи и описываемые события являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми или событиями является случайностью. Произведение содержит ненормативную лексику, сцены жестокости, насилия.

Поведение и высказывания некоторых персонажей могут быть неприемлемыми. Они обусловлены сюжетной необходимостью и не отражают мнения автора.

Роман содержит сцены эротического характера. Однако они не являются главным смыслом сюжета и не определяют его жанр. Основной акцент сделан на остросюжетности, психологической напряжённости и детективной составляющей. Эротические эпизоды служат лишь для более полного раскрытия персонажей и их взаимоотношений, не занимая центральное место в повествовании.

История создана исключительно в развлекательных целях и не несёт цели кого-либо оскорбить, задеть чьи-то взгляды, верования, убеждения, а также не пропагандирует употребление алкоголя, табака или наркотиков.

Кондиционер в редакции “Без фильтров” не столько охлаждал воздух, сколько разгонял по опенспейсу запах дешёвого кофе, типографской краски и приторных духов коллег. Алина Дмитриенко сидела у окна, закинув ногу на ногу, лениво скроллила новостную ленту канала и задумчиво крутила в пальцах серебристую ручку. На мониторе один за другим вспыхивали заголовки: “Звезда реалити-шоу перепутала мужа с фитнес-тренером”, “На открытии спортивной арены известный певец напился и пел громче заранее записанной фонограммы”, “Развод известного продюсера и его подопечной: пиар ход или семейная драма?”.

“Скука смертная”, — поморщившись, подумала Алина.

Она машинально накрутила на палец прядь каштановых волос и посмотрела в окно. Москва плавилась в августовском мареве. Где-то там, за стеклянными фасадами конференц-залов, заключались настоящие сделки, перекраивались судьбы компаний, менялся мир. А она... сидела здесь и откровенно маялась от тоски. Поправив вырез горловины строгого изумрудного платья-футляра, девушка раздражённо выключила монитор и без особых церемоний закинула ноги на стол. Девушка прикрыла глаза и шумно выдохнула, пытаясь отогнать мысли о том, как беден материал её коллег.

— Дмитриенко! — рявкнул прямо над ухом голос главного редактора Виталия Ильича.
— Ноги со стола убери. Ты в редакции, а не на пляже.

Алина поджала губы и нарочито медленно, почти демонстративно сняла ноги со столешницы.

— Я думала, мы тут демократию строим. Знаете... Свобода самовыражения.

— Самовыражайся текстом, а не перформансами. Зайди ко мне.

Раздраженно закатив глаза, девушка с тихим вздохом поднялась с кресла и пошла следом за начальником.

Кабинет главного редактора отделяла от общего зала стеклянная перегородка. Жалюзи на ней никогда не опускались, т.к. Ильич любил держать всё под контролем. Он принадлежал к той редкой породе редакторов, что пережили три политических режима и два экономических кризиса, не растеряв ни профессионального чутья, ни здорового цинизма. Грузный, с вечно расстёгнутой верхней пуговицей рубашки с испариной на лбу в любое время года и поседевшими висками, он походил на старого газетного волка, которого однажды загнали в клетку жёлтой прессы, но тот сумел обжиться и там. Голос почти никогда не повышал, но именно этот тихий, чуть хриплый тон пугал журналистов куда сильнее любого окрика. В кабинете пахло табаком и мятными леденцами, а на стене висела фотография, где ещё молодой и худой Ильич пожимал руку какому-то министру давно ушедшей эпохи.

Сейчас он сидел за столом, нервно постукивая пальцем по распечатанной программке какого-то мероприятия. Алина вошла почти бесшумно, прикрыла дверь и опустилась на стул, выпрямив спину и сложив руки на коленях. Она была готова олицетворять само воплощение деловой учтивости, но ровно до тех пор, пока не потребуется обратное.

Мужчина устало отложил брошюру, достал из ящика несколько распечаток и положил перед ней. Алина мельком взглянула на бумаги и, узнав свою последнюю статью, самодовольно усмехнулась.

“Семейные тайны наследника корпорации: что скрывает человек с миллиардным состоянием?”

Да, материал получился сильный. Двадцать миллионов просмотров. Неподобающие фотографии и переписки мажора разлетелись по десяткам СМИ. Такого потока негативных комментариев, которые слишком часто сопровождались регулярными призывами к линчеванию героя публикации, она не видела давно. За несколько дней после выхода статьи редакция получила три судебных иска.

— Ты вообще понимаешь, что происходит? — спросил Ильич.

Алина даже не подняла глаз.

— У меня снова хорошие охваты.

— А у нас снова адвокаты.

Она спокойно подвинула бумаги обратно.

— Значит, за достоверность материала можно не переживать.

Главный редактор усмехнулся, убрал распечатки обратно в ящик и покачал головой.

— Вот за это тебя и ненавидят.

— Не все.

— Конечно, Алин. Остальные просто с тобой даже связываться не хотят.

Она лишь раздражённо закатила глаза, ведь спорить об этом в очередной раз не хотелось.

За три года работы в “Без фильтров” Дмитриенко действительно успела заработать репутацию, которой вряд ли кто-то позавидовал бы. Многие коллеги старались держаться от неё подальше, считая её настойчивость и методы добычи информации слишком опасными для редакции. Ильич смотрел на это иначе. Когда-то она пришла к нему после громкого увольнения из серьёзного издания — злая, выгоревшая, с потухшим взглядом и целым ворохом нереализованных амбиций. Тогда ему казалось, что она быстро сломается и вскоре будет писать исключительно о разводах и других казусах знаменитостей. Но уже в первый месяц она распала историю о сыне губернатора и наркотиках, выдав сенсацию, которой изданию не хватало очень давно.

— Я хотел узнать, над чем ты сейчас работаешь. У редакции будет время разобраться с последствиями твоего последнего материала, или нашим юристам уже стоит готовить раскладушки в офисе после новой статьи? — строго спросил Ильич, однако, в голосе читалась открытая усмешка.

Алина недовольно поморщилась. Творческие застои были её вечной бедой. После громкой публикации иногда проходили месяцы, наполненные скучными заданиями и событиями, которые не вызывали ничего, кроме раздражения. Эйфория от сенсации постепенно исчезала, а жажда найти новую историю лишь сильнее сверлила изнутри. Знакомое чувство. Оно всегда возвращалось.

— Ничего стоящего нет. Так что юристы могут выдохнуть.

— Хорошо.

Ильич улыбнулся и снова взялся за распечатанную программку, задумчиво покусывая губу.

Заметив, с каким вниманием он рассматривает брошюру, Алина прочитала название мероприятия.

— “Деловой диалог”? Вы решили сменить тематику издания?

Редактор беззлобно рассмеялся и придвинул к ней программку форума.

— Нет. Через четыре дня стартуют мероприятия международного экономического форума “Деловой диалог” в Сочи. Там соберётся весь цвет российского бизнеса. Чиновники, миллиардеры, их жёны, любовницы, переводчицы... Ну, ты понимаешь, о чём я.

Алина чуть склонила голову набок.

— Хотите поймать кого-нибудь на измене в кулуарах?

— Хотел бы выяснить, кто проиграл тендер, а потом внезапно отыгрался в казино через офшор. — Ильич откинулся в кресле и на мгновение задумчиво уставился в потолок. — Алин, речь ведь не про экономику. Про людей. Про их слабости, тайные встречи, разговоры, которые никогда не попадут в официальные релизы. Было бы здорово, если бы читатель открыл наш канал и увидел сильных мира сего без галстуков, без масок. Настоящими.

— Любопытно, — негромко сказала она, скользя взглядом по списку участников. — Только попасть туда, как понимаю, почти нереально.

— Практически. — Ильич кивнул. — Аккредитацию прессе выдают только по заранее утверждённым спискам. Нас среди них нет и не будет. Сама понимаешь, “Без фильтров” — совсем не то издание, которое ждут на кремлевских пулах.

Алина перевернула страницу.

Вечерний приём в “Лотте”. Закрытый ужин в ресторане “Белые ночи”. Неформальный брифинг на теплоходе. Девушка задержала дыхание.

Вот где всё по-настоящему и начинается. Подальше от протокольных камер...

Она уже представляла людей из списка — только не такими, какими их привыкли видеть на официальных фотографиях. Нет. Расслабленные лица, бокалы в руках, громкий смех, уверенность, что вокруг исключительно свои. Среди хрусталя, мягкого света и дорогой музыки люди становятся разговорчивее. Кто-то наклонится к собеседнику слишком близко, кто-то забудет понизить голос, кто-то скажет лишнее.

Разве не там рождаются самые ценные истории?

“Вот где будет настоящий материал”, — подумала Алина.

Не в пресс-релизах, не в тщательно выверенных заявлениях, а в случайной фразе, неловком взгляде, слишком долгим рукопожатии... Стоило лишь правильно это всё показать, и медиасфера взорвётся.

В груди разлилось знакомое тепло.

Предвкушение.

Оно медленно поднималось откуда-то изнутри, заставляя сердце стучать чуть быстрее. Навязчивый зуд, мучивший её последние недели, понемногу отпускал. Ей казалось, что даже мысли становились яснее. Так происходило всякий раз, когда впереди появлялась настоящая история. Не очередной вымученный скандал из жёлтой хроники, не развод знаменитостей... Что-то живое. Рискованное. Такое, ради чего вообще стоит заниматься журналистикой.

Она медленно провела пальцем по фамилиям генеральных директоров, владельцев холдингов, высокопоставленных чиновников, людей, которые годами строили вокруг себя крепость из охраны, пресс-секретарей и безупречно выученных ответов. Людей, которые, наверное, уже забыли, что такое говорить без оглядки.

“Ничего, — мелькнула мысль. — Заговорят. Или, что ещё лучше, проболтаются.”

— Значит, через четыре дня начинается форум?

Ильич сразу уловил перемену в её голосе. Он резко подался вперёд и внимательно посмотрел на девушку.

— Даже не думай, Алин. Вокруг этих людей слишком опасно искать грязь.

Она лишь улыбнулась, будто предупреждения вовсе не услышала, и снова перевела взгляд на список участников.

— Значит, грязь всё-таки есть. Что-нибудь придумаю.

Поднимаясь, Алина аккуратно положила программку на стол.

Главный редактор тяжело вздохнул. Этот взгляд он узнавал безошибочно. Именно так Дмитриенко смотрела на каждую новую цель — спокойно, сосредоточенно, почти хищно. Как охотник, который уже выбрал добычу и больше не сомневается, что догонит её или дождётся, пока она сама упадёт ей в пасть. Можно было говорить что угодно. Отговаривать, убеждать, запрещать. Всё бесполезно.

Риски были огромными. По-хорошему, сейчас ему следовало сделать всё, чтобы выбить из её головы мысли о форуме.

И всё же где-то глубоко внутри жило другое чувство. Упрямое.

“А вдруг получится? — предположил Виталий Ильич”

Материал такого уровня способен добыть далеко не каждое издание. Даже крупные редакции не всегда получают подобный шанс. Что уж говорить о “Без фильтров”.

— Дмитриенко, — окликнул он её уже у двери, тяжело посмотрев вслед. — Если тебя поймут, ты сама по себе. Официально я тебя туда не отправлял. И... держи меня в курсе.

Она поправила волосы и едва заметно улыбнулась.

— Разумеется.

Дверь за ней закрылась не до конца.

Вечер мягко опустился на Патриаршие пруды, окутав их золотистой дымкой заката. Алина сидела за угловым столиком бара “Begemot” и лениво водила трубочкой по бокалу с “Апероль Шприцем”. Здесь пахло дорогой кожей, парфюмом и чужими деньгами. Где-то негромко играл джаз, а почти каждый посетитель выглядел так, словно только что сошёл с обложки делового журнала или всем своим видом показывал, что очень хочет туда попасть. Она появлялась здесь редко. Алина не могла пожаловаться на плохой оклад и премии за добросовестно опубликованные статьи, но старалась разумно тратить заработанное, а подобные вечера, которые не приносили ничего полезного, обходились слишком дорого. Однако, сегодня хотелось просто выдохнуть после душной редакции.

Мысли крутились без остановки.

“Как попасть на форум?”

Самые очевидные варианты отпадали один за другим. Без аккредитации почти все двери оставались закрыты, поэтому она перебирала все возможные сценарии. Устроиться в обслуживающий персонал? Слишком поздно. Для этого нужна подготовка, времени на которую у неё не было. Попасть туда в качестве спутницы одного из участников? Тоже сомнительно. Такие мужчины никого не приглашают просто так. Сначала внимание, потом намёки, а следом неизбежное ожидание ответной любезности.

Нет. Этот вариант ей не подходил. Алина никогда не считала себя особенно скованной моральными принципами в отношениях с мужчинами. Но за все двадцать девять лет у неё сложилось негласное правило: любое сближение должно быть обоюдным, и она не умела игнорировать собственное желание или его отсутствие.

Она уже собиралась расплатиться и уйти, когда у барной стойки мелькнуло знакомое лицо.

Инга Романова.

Когда-то они жили в одной комнате общежития журфака МГУ. Теперь Инга работала независимым журналистом в русскоязычном интернет-издании, существовавшем на пожертвования и гордо подчёркивавшем свою независимость от государства и корпораций. Русые

волосы были уложены нарочито небрежными волнами, на плече висела сумка из последней коллекции, в руках — планшет.

Она заметила Алину почти сразу. По лицу Инги скользнуло выражение узнавания, а вслед за ним появился привычный холодок.

Их неприязнь тянулась так давно, что уже никто не смог бы сказать, с чего всё началось. Может быть, с одного репортажа. Или с одного парня, который в итоге не достался ни одной из них. А может, причина была куда проще. Они слишком похожи и слишком талантливы, чтобы когда-то могли мирно делить одну комнату.

— Алина, — спокойно произнесла Инга, подходя к столику. — Не ожидала встретить тебя здесь. Хотя я почти каждый вечер сюда заглядываю. Решила сменить обстановку? Или в вашей редакции стены уже окончательно выкрасили в жёлтый?

“И почему каждая наша встреча начинается так, словно мы виделись утром и уже успели поругаться за завтраком?” — мелькнуло у Алины.

Впрочем... Это почти комплимент. Значит, Инга всё ещё о ней думает.

— А ты всё так же пытаешься спасти мир одним расследованием? — спокойно ответила она. — И всё так же приходишь в бар, где один коктейль стоит примерно как месячная подписка на твоё независимое издание. Завидное постоянство.

Инга тихо усмехнулась, без приглашения заняла место напротив и заказала воду без газа. Затем внимательно посмотрела на Алину.

— Пытаюсь хотя бы не закапывать остатки этого мира под фальшивыми сенсациями. Знаешь, удивительно приятно работать, не думая каждую минуту о владельцах, спонсорах и количестве просмотров. Хотя тебе, наверное, трудно это представить.

Раздражённо закатив глаза от понимания, что этот разговор ещё долго будет продолжаться в аналогичном ключе, Алина жестом попросила официанта повторить коктейль и вновь перевела взгляд на сокурницу.

— Главное, что я умею работать, Инга. И умею рассказывать людям истории, которые они хотят читать. Пока мои статьи открывают миллионы, твои расследования продолжают пылиться на сайте для очень узкой аудитории.

— Зато мои расследования меняют законодательство, — сразу парировала Инга и насмешливо подняла бровь, предвкушая остроту своей следующей мысли. — А что изменили твои? Кроме того, что несколько чиновников теперь осторожнее прячут телефоны от жён?

— Как минимум два человека после моих публикаций ушли в отставку, — спокойно ответила Алина. — Пусть неофициально, пусть “по собственному желанию”, но ушли. Разве это не результат? Просто он не так эффектно выглядит в резюме.

Инга едва заметно поджала губы.

— Всё такая же прагматичная.

— А ты всё такая же идеалистка. Помню, как после первой курсовой едва не расплакалась, когда профессор сказал, что правда без доказательств никому не нужна.

— Я не плакала.

— Конечно. Просто тушь решила потечь сама.

“Господи, — подумала Алина, делая небольшой глоток нового коктейля, — десять лет прошло, а мы всё ещё соревнуемся, кто талантливее.”

Только ставки давно изменились. Теперь на кону была не зачётка, а карьера.

Взгляд Дмитриенко начал блуждать по интерьеру заведения в надежде, что её незаинтересованность в дальнейшем разговоре быстро дойдёт до Романовой.

— Как ты вообще? — неожиданно спросила Инга. В её голосе светская вежливость всё ещё спорила с искренним любопытством. — Всё ещё живёшь в Медведково? В той съёмной квартире с видом на промзону?

— Уже нет. В прошлом году переехала. Теперь Кутузовский, — соврала Алина легко, даже не моргнув.

На самом деле она по-прежнему снимала квартиру в Медведково. Но признаться в этом Инге означало добровольно проиграть ещё один раунд.

— А ты? Всё ещё в тех апартаментах, которые родители подарили тебе после университета?

— Это называется “двухкомнатная квартира в историческом центре”, — сухо поправила Инга. — И да, я всё ещё там. Зато без ипотеки и соседей, которые сверлят стены по выходным.

— Наверное, удобно, когда можно не думать о коммунальных платежах и полностью посвятить себя спасению мира.

— Конечно. Наверное, не менее удобно не думать о собственной репутации и спокойно охотиться за очередным скандалом.

Они замолчали.

Пауза повисла между ними тяжёлая, почти осязаемая. В ней смешалось всё, что так и не было сказано за последние годы: обиды, зависть, взаимное раздражение и уважение, в котором ни одна из них никогда бы не призналась.

Алина внимательно посмотрела на Ингу поверх бокала.

“Интересно, у неё вообще кто-нибудь есть? С её принципами и графиком она, наверное, засыпает в обнимку с диктофоном... Хотя нет. Слишком уверенно держится, слишком внимательно следит за собой. Наверняка рядом какой-нибудь интеллигент в круглых очках. Пьют органическое вино и спорят о Гегеле.”

Эта мысль неожиданно развеселила её.

— А ты всё одна? — спросила Инга, будто прочитав её мысли. — Или твоя деятельность совсем не оставляет времени на личную жизнь?

— Оставляет. — Алина улыбнулась краешком губ. — Просто я предпочитаю мужчин, которым не приходится объяснять, чем я занимаюсь. Это сильно сокращает список.

— То есть никого.

— То есть я не обязана перед тобой отчитываться. А ты? Всё ещё с тем бородатым фотографом, который снимал твои расследования? Как его звали... Миша? Гриша?

— Это было три года назад, — сухо ответила Инга. — Сейчас я ни с кем. Работа не очень располагает к долгим отношениям.

— Работа или характер?

Инга ненадолго задумалась и неожиданно усмехнулась.

— И то и другое.

Посмотрев в окно, Романова шумно выдохнула и взгляд её потерял прежнее высокомерие. Между бровей пролегла небольшая морщина, словно она в уме решала сложное математическое уравнение, а пальцы нервно постукивали по столешнице, отбивая какой-то ритм.

— Знаешь... иногда мне кажется, что мы с тобой чем-то похожи. Обе одинокие, обе живём работой, обе терпеть не можем проигрывать. Только ты направляешь это в жёлтую прессу, а я... в независимую журналистику.

Алина невольно насторожилась.

“С чего вдруг такая откровенность?”

За десять лет знакомства Инга не пыталась искать между ними ничего общего. Наоборот, будто нарочно подчёркивала каждое различие. А сейчас в её голосе впервые прозвучала не насмешка, а что-то похожее на усталость. И эта короткая пауза перед последними словами... Она словно сама не до конца верила в то, что говорит.

Но развивать тему Алина не собиралась.

— Не льсти себе, — спокойно сказала она. — Мы похожи не больше, чем львица и змея. Обе опасны, только охотятся по-разному.

— И кто же из нас змея?

— Думаю, лучше оставить этот вопрос без ответа.

Инга покачала головой, хотя уголки её губ всё-таки дрогнули.

Странное чувство. Сидеть напротив человека, которого знаешь почти треть жизни, с которым когда-то вы делили комнату в общежитии, лекции, бессонные ночи перед сессией, мечты об одной профессии, а теперь вы почти чужие.

И всё же было что-то, что невольно связывало их до сих пор. Никто другой не понимал, каково это — быть женщиной в журналистике, где любой успех охотно объясняют удачным знакомством или везением, а любую ошибку — тем, что ты женщина.

— Ладно, — Инга вздохнула и потянулась за сумкой. Лицо снова стало привычно спокойным и немного высокомерным. — У меня впереди ещё много работы. Кстати... дай угадаю. Вашему изданию отказали в аккредитации на “Деловой диалог”?

Алина перестала крутить трубочку и почти не изменилась в лице, но она почувствовала, как в районе солнечного сплетения заперкло. Вот теперь разговор вновь перестал быть светским.

— А вашему, значит, одобрили?

— Именно.

Инга достала из сумки тонкую кожаную папку с символикой форума и небрежно провела по ней пальцами.

— Через три дня я буду в Сочи. А ещё через день — работать на форуме. Делать настоящие репортажи. Без фильтров, — с лёгкой усмешкой выделила она название издания. — Не думаю, что вам там нашлось бы место. Всё-таки ваш профиль — скандалы. Вряд ли организаторов интересует журналист, который спрашивает не про инвестиции, а про любовниц.

Алина медленно сделала глоток коктейля.

— Ты даже не представляешь, сколько инвестиций скрывается за любовницами.

Она говорила ровно. Слишком ровно. Со стороны могло показаться, что слова Инги её совсем не задели. Но внутри уже всё тело наполнилось злостью, смешанной с гордостью.

“Без фильтров...”

Как ни странно, Инга попала почти в точку. Фильтров у Алины действительно почти не осталось.

Она смотрела на бывшую соседку по общежитию и думала о том, как по-разному иногда складываются одинаковые старты. Инге досталась репутация серьёзного журналиста, доступ туда, куда других не пускают, уважение коллег. Она не просыпалась среди ночи с мыслью, что карьера рухнула, не начинала всё заново. И не знает, каково это.

Алина поставила бокал на стол.

— У каждого свой жанр, — сказала она спокойно. — Удачи тебе в Сочи. Надеюсь, форум тебя не разочарует.

Инга убрала папку в сумку, положила на стол купюру за воду и поднялась.

— И тебе хорошего вечера. Буду рада почитать твои материалы. Если они вообще появятся.

Она ушла, не оглянувшись. Алина проводила её взглядом.

“Аккредитация.”

Слово повисло в воздухе горьким смогом.

У Инги она есть. А у неё — нет.

Она медленно допила коктейль и посмотрела сквозь стеклянную стену бара на вечернюю Москву. Машины тянулись непрерывным потоком, прохожие спешили по своим делам, город жил привычной жизнью. А у неё в голове одна за другой складывались детали будущего плана.

Быстро. Чётко. Без лишних эмоций.

Замысел ещё не оформился до конца, но уже цеплялся один элемент за другой. Он был дерзкий, почти безрассудный и, если смотреть правде в глаза, совсем незаконный.

Когда-то именно такие решения стоили Дмитриенко карьеры в серьёзной журналистике. Теперь они были её главным преимуществом. Она достала телефон, пролистала список контактов и нажала на нужное имя.

— Привет, Глеб. Помнишь меня?

На другом конце сразу повисла пауза. Алина невольно усмехнулась. Конечно, помнит.

Полгода назад она вытащила его из неприятной истории. Тогда Глеб — мелкий актёр-ришка с непомерными амбициями и врождённой тягой к чужим секретам — едва не оказался в центре громкого скандала. Ревнивый муж одной из его пассий по актёрскому ремеслу уже был готов устроить ему серьёзные проблемы. Получив фотографии, Алина могла без труда сделать из этой истории очередную новость. Но не стала.

Вместо публикации она оставила себе должника.

— Ты должен мне услугу, — спокойно сказала она, обводя ногтем ножку бокала.

Молчание длилось ещё несколько секунд.

— Что тебе нужно?

Алина ненадолго прикрыла глаза. План складывался окончательно.

— Мне нужно, чтобы ты помог одной девушке... почувствовать себя одинокой. И немного пьяной. А потом сделал так, чтобы ты смог достать ключи от её квартиры. Ненадолго.

Глеб тихо хмыкнул. В его голосе не было удивления. Только любопытство.

— Кто она?

— Журналистка. Красивая. Любит мужчин с интеллектом и хорошим кошельком. Справишься.

— Понял.

Большого и не требовалось. Алина закончила разговор, убрала телефон в карман и подождала официанта. Расплатившись, она вышла из бара и вызвала такси.

Вечерний воздух оказался заметно прохладнее, чем она ожидала. На Патриарших по-прежнему было многолюдно. Кто-то смеялся за летними столиками, кто-то неторопливо гулял вдоль пруда, кто-то как и она совсем недавно, пытался забыть о работе хотя бы на пару часов. Алина остановилась под фонарём. Тёплый жёлтый свет ложился на асфальт широким кругом. Она глубоко вдохнула и впервые за весь день почувствовала спокойствие.

Теперь у неё была цель. И появился способ к ней приблизиться.

“Прости, Инга, — подумала она без злости. — Ничего личного.”

Она развернулась и пошла к такси, уже мысленно просчитывая следующий ход.

Глава 2. Поддельная реальность

Следующим вечером Алина ждала в припаркованной машине у торца жилого комплекса “Сады Пекина”. Часы давно перевалили за два ночи. Двор почти вымер: ни голосов, ни шагов, только редкий свет в нескольких окнах напоминал, что за тёмными фасадами кто-то ещё не спит.

Она опустила стекло, впуская в салон прохладный ночной воздух, и ещё раз мысленно прошлась по плану.

В начале третьего из темноты появился Глеб.

Шёл он неторопливо, будто вовсе никуда не спешил. Но в этой расслабленности чувствовалась привычка полностью владеть собой. Высокий, широкоплечий, с лицом, которое легко представить на афише какого-нибудь сериала. Она внимательно посмотрела на Глеба: густые тёмные волосы небрежно зачёсаны назад, чёткая линия подбородка, светло-серые глаза с ленивым прищуром, которое создавало обманчивое впечатление вечной сонливости, хотя на деле он был абсолютно трезв и собран. Чёрное поло, тёмные джинсы, дорогие часы без кричащих деталей.

Он был из тех мужчин, которых женщины замечают сразу, а спустя неделю уже не могут вспомнить лицо. Очень удобное качество.

— Держи.

Мужчина опустил в открытое окно связку ключей на тонком брелоке.

— Квартира сто пятнадцать. Десятый этаж. Хозяйка спит и проспит ещё часов пять, не меньше. Дозу я рассчитал точно.

Алина забрала ключи. Металл оказался неожиданно холодным.

— Как всё прошло?

Глеб опёрся локтем о крышу машины и пожал плечами.

— Да скучно, если честно. Пришёл в “Begemot” примерно через час после неё. Сел рядом. Она была одна, листала телефон, время от времени поглядывала по сторонам. Когда стало понятно, что никого уже не ждёт, предложил угостить её нормальным коктейлем. Заказал “Негрони”.

Он усмехнулся.

— Она из тех женщин, которые выбирают горькое, потому что считают, будто это делает их интереснее. Представился актёром. Сказал, что снимаюсь в новом сериале для онлайн-платформы. Название придумал прямо на месте, а она сделала вид, что слышала.

Глеб говорил спокойно, без малейшего хвастовства, словно пересказывал давно отрепетированную сцену.

— Сначала была весьма осторожная и даже местами мнительная, как мне показалось. Но алкоголь и моё умение импровизировать сделали своё дело. Через два часа она уже смеялась над моими шутками и положила голову мне на плечо. Пока ходила в дамскую комнату, я добавил снотворное в четвёртый коктейль. Потом отвёз её домой на такси. Консьержу сказал, что я её парень и ей стало плохо. Он даже вопросов не задал.

Он достал сигарету, закурил и некоторое время молчал. Дым лениво растворялся в прохладном воздухе.

— Короче, было просто. Вы, женщины, любите, когда вам красиво врут. А она... будто сама ждала этой лжи.

Фраза повисла между ними.

“Красиво врут...”

Алина невольно задержалась на этих словах.

“Любопытно. Он действительно так думает или просто не смог удержаться от эффектной реплики?”

Сама она ложь не любила, но и слово “правда” терпеть не могла. И на то были причины.

Её всегда интересовала реальность. Чужая, неудобная, тщательно спрятанная под слоями приличий и выгодных версий. Реальность редко существовала в единственном экземпляре. У каждого была своя — аккуратно подчищенная, объяснённая, выгодно поданная. И чем влиятельнее человек, тем убедительнее выглядела его версия событий.

Глеб, кажется, искренне верил, что хорошо понимает людей. Пусть. Это было даже немного обаятельно.

Она посмотрела на огонёк его сигареты и едва заметно улыбнулась.

— Возможно, ей понравилась не ложь, а история, которую ты рассказал. Иногда хорошая история оказывается убедительнее...

Она не договорила. Да и зачем?

Холодные ключи всё ещё лежали в ладони. Они быстро возвращали к тому, ради чего она приехала.

— Я тебе ничего не должен, — сказал Глеб, бросая окурок на асфальт. — Мы в расчёте.

— В расчёте.

Он уже развернулся, собираясь уйти.

— Глеб.

Мужчина обернулся. Под светом фонаря лицо казалось почти неподвижным — красивым и удивительно холодным.

— Постарайся больше не попадать в истории, где на кону может оказаться твоя голова. Не все будут такими добрыми, как я.

Он усмехнулся, но глаза остались серьёзными. Несколько секунд он молча смотрел на неё, словно пытался решить, стоит ли говорить то, что пришло в голову.

Всё-таки решился.

— Знаешь, что забавно? Когда-то я играл в одном спектакле. Там мой герой помог женщине попасть в чужой дом.

Девушка тихо рассмеялась над сказанной параллелью от мужчины.

— И чем же там всё закончилось?

Мужчина не разделял смех Дмитриенко и ответил всё так же серьёзно.

— В третьем акте их обоих нашли мёртвыми.

Алина застыла от неожиданности, но быстро взяла в себя в руки и нахмурилась.

— К чему это?

— К тому, что ты ошибаешься, если думаешь, будто сейчас не играешь роль. И твой сценарий сейчас не сулит ничего хорошего.

Он поправил воротник поло и всё же позволил себе лёгкую улыбку.

— “Весь мир — театр, а люди в нём актёры”. Просто здесь никто не выходит на поклон.

Он уже сделал шаг назад, но вдруг остановился.

— Если всё получится... позвони. Просто чтобы я понял, что ты цела после всех своих планов.

Вот теперь она действительно замолчала. В его голосе не было ни флирта, ни желания произвести впечатление. Скорее... тревога. Почти незаметная, но настоящая. И почему-то именно она запомнилась сильнее всего.

Глеб развернулся и ушёл первым. Походка всё такая же спокойная, уверенная, будто он привык красиво исчезать, не оглядываясь.

Алина ещё несколько секунд сидела неподвижно. Потом сжала ключи в ладони.

В голове всё ещё крутились слова Глеба. Да... Сегодня ей предстояло выйти на сцену, где никто не станет подсказывать текст. И второго дубля не будет...

Основной вход в многоэтажку Романовой охранялся консьержем и двумя камерами. Служебный — использовался персоналом и курьерами. Камера над ним, как выяснил Глеб у Инги, не работала уже третий месяц, т.к. управляющая компания затеяла ремонт и не торопилась его заканчивать. Алина скользнула в приоткрытую дверь, миновала зону разгрузки и поднялась по лестнице на десятый этаж, желая обойти камеры, возможных свидетелей и не создавать лишний шум. На лестничной клетке царила тишина, нарушаемая лишь гулом вентиляции. Алина сверилась с временем на телефоне: 2:50 ночи. До рассвета уже не далеко. Сердце билось ровно,

руки не дрожали. Она натянула тонкие латексные перчатки, достала ключи и, сделав глубокий вдох, бесшумно отперла замок.

В прихожей горел тусклый ночник, отбрасывая на стены размытые тени. Алина замерла на пороге, прислушиваясь. Тихо. Из глубины квартиры доносилось ровное, глубокое дыхание — Инга спала. Алина не смогла сдержать маленькой победной улыбки, ведь снотворное, смешанное с остатками алкоголя, сделало свое дело.

Она двинулась вперед, ступая почти бесшумно в мягких балетках. Квартира Инги была выдержана в стиле дорогого минимализма: светлые стены, дизайнерская мебель, на полках книги лауреатов Нобелевской премии. Идеальный интерьер идеальной журналистки. Алина невольно пробежала взглядом по названиям произведений на книжных полках, рассмотрела копии картин известных художников, обратила внимание на белый высоковорсный ковёр, подумав о том, как, наверное, приятно ходить по нему босиком. Девушка резко одёрнула себя, вспомнив о том, что пришла сюда не для экскурсии и размышления об интерьере. Она искала документы.

Сумка Инги лежала в гостиной на диване, и первый порыв был проверить именно её. Однако внутри не оказалось ничего, кроме косметички, телефона и кошелька. Той папки с эмблемой форума, которую Инга небрежно демонстрировала в баре здесь не было. Алина выпрямилась и обвела комнату взглядом.

— А что если... — прошептала она себе под нос.

Инга никогда не держала важные вещи на виду. Ещё в университетском общежитии, когда они делили одну комнату, у неё была привычка прятать всё ценное в тайниках. Алина помнила это слишком хорошо: бесконечные ссоры из-за пропавших конспектов, подозрения, взаимные обыски. Однажды она нашла наработки по статье Инги за батареей. В другой раз — деньги и флешку в пустотелом корешке книги «Основы журналистской этики». Ирония была в том, что Инга прятала вещи не столько от посторонних, сколько от неё, Алины. Теперь же эта многолетняя паранойя могла сыграть против своей хозяйки.

Дмитриенко обошла гостиную. На книжных полках она проверила несколько книг, корешки были целыми, за картинами оказалось пусто, под диваном — тоже ничего. Хоть одного намёка на сейф Алина также не обнаружила. Она уже собиралась перейти в спальню, когда взгляд упал на большой напольный глобус в углу комнаты. Он был массивный, на деревянной подставке, явно антикварный, но слишком громоздкий для декоративной вещи в минималистичном интерьере. Она подошла ближе. Провела рукой по лакированной поверхности. Глобус был старый, с выцветшими континентами и латунными заклёпками по экватору. Девушка надавила на одну из заклёпок, но ничего не произошло. Дмитриенко поочерёдно нажала на несколько других заклёпок, и в этот момент верхняя полусфера с тихим щелчком откинулась на шарнире, открывая полость внутри.

Там, в верхней сфере глобуса, была прикреплена папка. Объёмная, куда толще, чем та, что Инга показывала в баре. Алина вытащила её и быстро пролистала содержимое. Брошюры, распечатки презентаций, списки гостей, плотный конверт с приглашением на форум и номером аккредитации — и ещё какие-то бумаги, которых она раньше не видела.

«Не время разбираться», — подумала Алина.

Она убрала папку в свою сумку, и та сразу многообещающе потяжелела. Туда же отправился кожаный органайзер, позже найденный в прикроватной тумбочке.

Инга спала, свернувшись калачиком под лёгким одеялом, и даже не пошевелилась, когда Алина на секунду задержалась у изголовья кровати, разглядывая её безмятежное лицо.

Вернувшись в гостиную, Дмитриенко замерла, подводя итог.

Без аккредитации Инга не пройдет на форум. Без паспорта — а он лежал в том же кожаном органайзере — не сядет в самолет до Сочи. Даже если она попытается восстановить документы, это займет несколько дней, а Алине большего и не надо.

Замок щёлкнул едва слышно, когда Дмитриенко вышла из квартиры. На лестнице она стянула перчатки и перевела дыхание. В сумке лежало всё, ради чего она сюда пришла.

Через десять минут Алина уже ехала к себе домой. За окном проплывала пробуждающаяся Москва, равнодушная к тому, что только что произошло в элитной квартире на десятом этаже.

Девушка смотрела на пустую полосу дороги и думала об Инге — о том, как та лежала во сне, беззащитная, даже не подозревая, что её идеально выстроенная карьера только что треснула по швам. На лице растянулась победная улыбка. Когда-то в общежитии Инга прятала свои вещи за батареей. Сейчас она спрятала их в глобусе. Разные времена, разные декорации, а привычки те же. И те же ошибки.

Алина усмехнулась удаляющемуся отражению дома Инги в зеркале.

— Ты совсем не изменилась, Романова, — прошептала она. — Мне даже жаль.

Алина вернулась домой, когда над Москвой уже начинало сереть небо, обещая скорый рассвет. Заперев дверь на все замки, она бросила сумку на стул и первым делом достала кожаный органайзер Инги.

Паспорт. Водительское удостоверение. Распечатанное приглашение на форум “Деловой диалог”. Всё было на месте. Она раскрыла паспорт на странице с фотографией и несколько секунд внимательно смотрела на лицо бывшей соседки. Даже здесь Инга выглядела такой же, какой была вчера в баре: уверенной, немного высокомерной, словно не допускавшей мысли, что кто-то способен её переиграть. Девушка посмотрела на дату выдачи паспорта.

“Меняла полтора года назад. Отлично. Одной проблемой меньше.”

План по-прежнему состоял из двух частей.

Сначала нужно было заменить фотографию в электронной базе форума, где хранились анкета, скан паспорта и журналистского удостоверения. Если служба безопасности решит сверить лицо с досье, там должна оказаться Алина.

Затем предстояло решить вторую задачу — настоящий паспорт. Именно его будут проверять на регистрации, а значит, одно без другого не имело никакого смысла.

Она взяла ноутбук и открыла заметки. Среди десятков рабочих записей хранилась всего одна странная строка — набор букв, цифр и точек, совсем не похожий на обычный интернет-адрес. Алина скопировала её, вставила в браузер и нажала Enter.

Экран на мгновение погас, после чего открылось тёмное окно. В верхнем углу светилась лишь небольшая бирюзовая иконка лисы с острыми ушами и пушистым хвостом.

Ни названия сервиса, ни приветствия. Только пустая строка ввода и мигающий курсор.

Она быстро набрала:

“Нужна замена фотографии в базе форума “Деловой диалог”. Срочно.”

Ответ появился спустя пару минут.

“Вводные данные.”

За всё время их общения она ни разу не слышала его голоса, но почему-то всегда представляла его именно таким — спокойным, сухим, почти лишённым эмоций. Человек, существовавший исключительно по ту сторону экрана.

Познакомились они несколько месяцев назад, когда Алина готовила материал о сыне крупного чиновника — тот самом мажоре, чьи личные переписки после публикации вызвали громкий скандал. Тогда ей требовался лишь доступ к его аккаунту, и один из информаторов дал контакт. В тот же вечер на почту пришло письмо без темы. Внутри была только ссылка и короткая фраза: **“Нажми и войдёшь.”**

Она нажала. Ссылка открыла приложение, которого будто не существовало. Оно не отображалось среди установленных программ, не оставляло следов в истории браузера или в памяти устройства и исчезало сразу после завершения сеанса. Повторно открыть его по той же

ссылке было невозможно, т.к. браузер неизменно выдавал ошибку 404. Для каждого нового разговора он присылал новую ссылку. Одноразовую, как хирургический инструмент. Тогда он получил доступ к нужному аккаунту меньше чем за час и передал Алине всё, что требовалось для статьи. С тех пор у неё не возникало причин сомневаться в его возможностях. Перед тем как исчезнуть, он прислал ещё одну ссылку с подписью "На случай, если снова понадобится". Похоже, он оказался предусмотрительнее, чем она сама.

Алина отправила сообщение:

“Номер аккредитации — 4471. Инга Романова. Нужно заменить фотографии во всём электронном досье: анкета, скан паспорта, скан журналистского удостоверения. Везде, где есть лицо владелицы, должно быть моё.”

Следом она прикрепила свою фотографию. Строгий взгляд, ровный свет, никакой яркой косметики. Затем сфотографировала аккредитационное письмо Инги, где был указан номер 4471, и отправила следом.

Ответа не последовало.

Прошла минута. Затем вторая. Третья... Десятая.

Алина невольно представила, как где-то по ту сторону экрана незнакомый человек открывает присланные файлы, оценивает объём работы, просчитывает маршруты доступа и возможные последствия. Она не знала, чем он руководствуется, соглашаясь или отказываясь от очередного заказа. Деньгами? Азартom? Или существовало что-то ещё, о чём она даже не догадывалась?

Наконец на экране появились новые строки.

“Сервер хорошо защищён. Контроль спецслужб. Есть риск. Нужно время.”

Она быстро напечатала:

“Сколько?”

Ответ пришёл почти сразу.

“Шесть часов. Возможно, десять.”

Алина бросила взгляд на часы.

Если всё пойдёт по плану, регистрация на форум начнётся только послезавтра в полдень. Времени оставалось достаточно, но права на ошибку уже не было.

“Успей”, — написала она.

Чат снова замолчал.

Пока курсор неподвижно мигал в строке ввода, она поймала себя на мысли, что за всё время ни разу не попыталась выяснить, кто скрывается за бирюзовой лисой. Журналистское любопытство било по нервам, требуя выхода. Но как это сделать? Он не называл имени, никогда не задавал лишних вопросов и исчезал сразу после завершения работы, будто его и не существовало.

Пожалуй, именно это внушало доверие, ведь он ничего не обещал сверх возможного, не хвастался своими способностями, а просто делал то, за что брался.

Спустя ещё несколько минут на экране появилось новое сообщение с суммой за работу.

Алина невольно поморщилась.

Существенная часть её сбережений. Сумма не ошеломляющая по московским меркам, но значительно больше, чем он запросил за прошлый заказ. Она до сих пор не понимала, из чего складывались его расценки. Возможно, всё упиралось в сложность работы и риск. А может быть, он просто хорошо знал цену людям, которым отступать уже некуда.

Она несколько секунд смотрела на экран, потом напечатала:

“Половина сейчас. Остальное после подтверждения.”

На этот раз ответ пришёл почти мгновенно.

“Принято.”

Следующим сообщением появился длинный номер криптокошелька. Алина перевела деньги, дождалась подтверждения транзакции и только после этого снова посмотрела на экран.

“Жди. Когда зайду в систему, то сообщу. Ссылку не сохраняй.”

Она едва заметно улыбнулась.

“Знаю.”

Сообщение исчезло сразу после отправки, а через секунду закрылся и сам чат.

Алина попробовала ещё раз открыть ссылку, но браузер, как и прежде, выдал ошибку 404. Будто этого разговора никогда не существовало.

Она медленно закрыла ноутбук.

Первая часть плана была запущена. Теперь оставалось разобраться с паспортом.

Она снова взяла документ Инги и провела пальцами по плотной ламинированной странице. Если фотография останется прежней, вся работа хакера потеряет смысл. На регистрации будут сверять не только электронное досье, но и паспорт. Значит, требовался человек, который сумеет заменить фотографию так, чтобы подделку не заметили с первого взгляда.

Алина выдвинула ящик письменного стола и достала старый кнопочный телефон. Им она пользовалась редко — только в тех случаях, когда разговоры не должны были оставлять цифрового следа.

Выбрав один из немногих сохранённых номеров, она нажала кнопку вызова.

Гудок. Второй. Третий.

— Да? — отозвался хриловатый женский голос.

— Это я. Нужна твоя помощь. Срочно.

Женщина не стала спрашивать, что произошло, не спрашивала про задачу. Только коротко спросила:

— Когда?

— Часа через три.

На другом конце ненадолго замолчали.

— Приезжай. Адрес тот же. И приготовь наличные.

Алина невольно улыбнулась.

Некоторые люди никогда не меняются.

— Я помню твои расценки.

Связь оборвалась.

Она убрала телефон в карман, ещё раз проверила содержимое сумки и подошла к окну. За стеклом солнце уже стремительно занимало своё место на небосводе.

Новый день только начинался, а Алина, которая не спала всю ночь, чувствовала лишь бушующий по венам адреналин от осознания запущенного в работу плана.

Женщину звали Марго. В узких кругах её знали как Ювелира, но совсем не из-за драгоценностей, ведь она работала с документами. Паспорта, удостоверения, лицензии, пропуска. Всё, что можно было подделать, Марго подделывала так, что даже опытные эксперты порой не находили, к чему придраться.

Ей было далеко за пятьдесят. Тонкая золотая оправа очков, неизменная сигарета в длинных пальцах, спокойный взгляд человека, который слишком давно перестал чему-либо удивляться.

Полтора года назад Алина впервые оказалась в этой мастерской, когда для одного расследования понадобилось удостоверение сотрудника жилищной инспекции. С тех пор они виделись всего несколько раз, но каждая встреча оставляла одинаковое впечатление.

Марго чем-то напоминала бывшую балерину, неожиданно сменившую сцену на криминальное ремесло: та же безупречная осанка, точность каждого движения и почти холодная грация, за которой угадывались десятилетия дисциплины.

Мастерская располагалась в подвале старого дома на Преображенке. С улицы была ничем не примечательная железная дверь с облупившейся коричневой краской, но за ней начинался совсем другой мир. Белые стены, яркий профессиональный свет, стол с закреплённой лупой, аккуратные ряды инструментов, назначение половины из которых Алина до сих пор не понимала. Всё здесь выглядело так, будто хозяин помещения не подделывал документы, а собирался проводить сложнейшую микрохирургическую операцию.

Марго даже не поздоровалась, молча взяла паспорт Инги и поднесла его к лампе. Несколько секунд рассматривала голограммы, медленно перелистывала страницы, после чего удовлетворённо кивнула.

— Хорошо, что не заграничный. Уже легче. Хотя повозиться всё равно придётся.

— Нужно заменить фотографию.

Марго подняла на неё взгляд поверх очков.

— Если бы я не умела этого делать, ты бы сюда не приехала. Давай цифровое фото.

Алина молча протянула телефон.

Это был тот самый снимок, который несколько часов назад она отправила хакеру для подмены фотографии в электронной базе форума.

Марго быстро перенесла файл на компьютер и увеличила изображение почти до уровня отдельных пикселей.

— Хорошо снято, — наконец сказала она. — Свет ровный. Разрешение отличное. Работы немного. Молодец.

Девушка не смогла сдержать самодовольной ухмылки. Получить похвалу от женщины, которая славилась своим перфекционизмом, было, действительно, приятно.

— Сядь и не маячь. И улыбочку эту свою убери, от работы отвлекает.

Поджав губы от столь досадной кратковременной победы, Алина выполнила требование Марго и села на стул.

Следующие несколько часов мастерская наполнилась негромким гулом компьютера.

Марго не спешила.

Она тщательно выравнивала оттенок кожи, баланс белого, зернистость изображения, подгоняла каждый параметр под оригинальную фотографию Инги. Казалось, её интересовало не сходство, а полное совпадение — будто оба снимка были сделаны одним фотографом, в одном ателье и с разницей всего в несколько секунд. Когда работа на экране закончилась, она пересела за рабочий стол.

Дальше начиналось то, что Алина каждый раз наблюдала почти с восхищением.

Тонкий скальпель. Пинцет. Лампа. Микроскоп.

Руки Марго двигались спокойно и уверенно, словно давно выучили эту последовательность лучше самой хозяйки. Старую фотографию она не вырезала — осторожно отделила от основы, почти не касаясь заводского ламината. Новый снимок лёг на её место настолько точно, что даже с расстояния нескольких сантиметров невозможно было заметить вмешательство.

— Ламинат я никогда не трогаю, — негромко сказала женщина, не отрываясь от работы. — Именно он проходит большинство проверок. Меняется только фотослой под ним. Возни больше, зато результат другой.

Через четыре часа всё было готово.

Девушка встала и подошла к Марго, чувствуя, как ноют от ожидания затёкшие мышцы, и осторожно открыла паспорт. Из документа на неё смотрела она сама. Тот же взгляд, та же едва заметная асимметрия губ. Только имя под фотографией оставалось чужим.

Инга Валерьевна Романова.

Она невольно провела большим пальцем по ламинированной странице.

Ни пузырька. Ни складки. Ничего.

Алина достала пачку наличных и передела их женщине. Марго уже прикуривала новую сигарету.

— Запомни одну вещь. Если этот паспорт сравнят с оригиналом в базе МВД, вопросы возникнут. Но, насколько понимаю, ты собралась не в полицейский участок вламываться?

— На форум.

Марго коротко усмехнулась.

— Тогда переживать стоит меньше. Обычно там смотрят на лицо, а не изучают документы под микроскопом.

Она выпустила дым, внимательно посмотрела на Алину и неожиданно добавила:

— Ты рискуешь, девочка. Если поймают — это статья.

Алина спокойно выдержала её взгляд.

— Я это понимаю.

— Хорошо.

Марго затушила сигарету.

— Тогда забирай паспорт. И очень надеюсь, что следующая наша встреча случится не из-за него.

Когда тяжёлая металлическая дверь закрылась за её спиной, утро уже окончательно вступило в свои права.

Дома Алину ждало новое сообщение. Очередная одноразовая ссылка.

Она открыла чат.

“База обновлена. Все фотографии заменены. Проверь через личный кабинет форума. Логин: гоманова_i. Пароль временный. После входа смени. Ниже — кошелек для окончательного расчёта.”

Она сразу перевела вторую часть гонорара.

Только после подтверждения платежа позволила себе впервые за последние сутки расслабить плечи.

Теперь всё было готово.

Внутри медленно закипала странная смесь холодного спокойствия и азарта. Такое бывает за мгновение до прыжка, когда решение уже принято, а назад дороги больше нет.

Через два дня она войдёт на форум под именем Инги Романовой. С чужими документами. С чужой аккредитацией. И только лицо останется её собственным. Эта мысль показалась почти насмешкой.

Алина закрыла папку с документами, убрала её в сумку и аккуратно задвинула ящик стола. До регистрации участников оставалось два дня.

Солнце уже вовсю заливало спальню, когда Инга открыла глаза.

Голова была тяжёлой, словно налитой свинцом, а во рту стоял неприятный привкус — смесь вчерашних коктейлей и чего-то горького, лекарственного. Она поморщилась, медленно села на кровати и прижала ладонь ко лбу, пытаясь собрать мысли.

В памяти всплывали лишь отдельные обрывки: “Begetot”, Глеб, коктейли, его спокойный голос.

Она помнила, как смеялась над какой-то глупостью, хотя обычно почти никогда не смеялась с незнакомыми мужчинами. Помнила, что позволила проводить себя домой.

А потом — пустота.

“Наверное, просто перебрала. С кем не бывает? Тем более, весь стресс за последние месяцы...”

Инга спустила ноги с кровати, накинула халат и поёжилась. Кондиционер продолжал работать на полную мощность, и квартира казалась непривычно холодной.

Она вышла в гостиную. Первым делом взгляд упал на старый глобус. Крышка была приоткрыта. Инга остановилась.

Странно.

Она точно помнила, что закрывала его. Несколько секунд она просто смотрела на него, не двигаясь с места. Сердце почему-то забилось быстрее, хотя разум ещё отчаянно цеплялся за простое объяснение.

“Наверное, сама не закрыла. Наверное...”

Она подошла ближе, откинула крышку до конца и заглянула внутрь.

Пусто. Внутри не было ничего.

Инга продолжала смотреть в пустую полость ещё несколько секунд, будто папка могла появиться снова, если дать себе время.

Не появилась.

— Нет...

Голос прозвучал совсем тихо.

— Спокойно...

Она заставила себя сделать вдох.

— Ты просто убрала её в другое место.

Слова не убеждали. Она повторила их ещё раз. И ещё.

После этого начала искать. Сначала спокойно, а потом всё быстрее: ящики, полки, шкафы, спальня, кухня. Даже холодильник она открыла машинально, словно в какой-то момент перестала понимать, что именно делает.

Папки нигде не было. Вместе с ней исчез и кожаный органайзер.

Инга замерла. Органайзер... Паспорт.

Инга медленно опустилась на диван.

— Нет...

Она покачала головой.

— Нет, это не Глеб...

Он не мог. Да и зачем?

Она почти судорожно набрала управляющего. Тот ответил только через несколько минут.

— Инга, всё нормально?

— Мужчина... который был у меня ночью... Когда он ушёл?

— Около двух. Молодой такой. Симпатичный.

— Он был один?

— Конечно.

— В руках что-нибудь было?

— Нет. Пустые руки.

После разговора стало только хуже.

Если Глеб ушёл ни с чем... Значит, в квартиру заходил кто-то ещё. Кто-то, кто прекрасно знал, что искать.

Камеры в подъезде? Она запросила и их. Ответ пришёл быстрее, чем она ожидала: никаких посторонних. Только жильцы. Только Глеб, уходящий ночью с пустыми руками и беспечной улыбкой, застывшей на зернистом стоп-кадре.

Инга отложила телефон. Руки не дрожали — они стали чужими, будто не принадлежали ей. Она сидела на диване, глядя на старый глобус с открытой дверцей, и внутри, под рёбрами, медленно сворачивалась в тугий узел та самая тревога, которую она весь вчерашний вечер пыталась утопить в вине. Она перебирала в голове всех, кто мог знать о содержимом глобуса. Никто. Даже те, с кем она работала, не догадывались, где она хранит важные вещи. Никто, кроме...

Она не успела закончить мысль. В памяти всплыла флешка.

Холод пробежал вдоль позвоночника. Теперь это было уже не ограбление. Это была катастрофа.

Единственное, что давало ей защиту, исчезло.

Без материалов запланированная встреча не будет осуществлена. Она понимала, что этот человек не даст ей шанса реабилитироваться, он не поверит в случившееся. Он просто найдет ей замену. И тогда всё рухнет...

Она набрала номер, который никогда не был записан в памяти телефона — одиннадцать цифр, заученных наизусть с того самого дня, когда ей впервые дали понять, что у неё появились влиятельные... работодатели? Партнеры? Она так и не нашла точного слова. Но одно она знала точно, что это люди, с которыми лучше не ссориться.

Гудок. Второй. Третий.

— Да? — холодный, спокойный голос. Без удивления, без раздражения. Просто “да”, произнесённое так, будто человек на том конце ждал этого звонка и заранее знал, что разговор будет неприятным.

— Это Инга, — выдавила она, и собственный голос показался ей чужим — слишком тонким, слишком ломким. — Проблемы. Украли. Всё пропало. Аккредитация, документы и ... флешка.

В трубке молчали. Пауза длилась секунду, две, три — и каждая была тяжелее предыдущей.

— Ты понимаешь, что на этой флешке? — спросил голос наконец. Ровный, почти участливый. От этого было еще страшнее.

— Понимаю. Но я найду, я выясню, кто...

— Не надо. — Ни злости, ни угрозы, только сухая констатация факта. — Ты была неосторожна. Теперь из-за тебя у нас проблемы, которые я буду решать сам. Без тебя.

— Подожди! — почти крикнула она. — Пожалуйста, я...

Короткие гудки.

Инга осталась сидеть на диване, сжимая телефон обеими руками.

Тишина в квартире стала вдруг невыносимо громкой. Она слышала, как тикают часы, как гудит холодильник, как шумит вода в трубах где-то у соседей. И собственное дыхание, которое было частым, поверхностным, чужим. Инга не знала сколько просидела в одной позе без движения. Все внутренности ходили ходуном, а возможные варианты последствий, заставляли горло сжиматься в рвотных позывах.

Когда слёз не осталось, она поднялась, прошла в спальню и встала у окна. Город уже давно проснулся — шумный, равнодушный, бесконечный. Ей вспомнилась вдруг Алина. Их случайная встреча в баре позавчера. Слишком пристальный взгляд. Слишком много хвастовства про форум, которое Инга позволила себе. Но та ничего не знала. Просто не могла знать. Или могла?

Инга зажмурилась, отгоняя эту мысль. Теперь это не имело значения. Имело значение только одно: за ней теперь придут. Её использовали, а теперь списали и не станут оставлять в свидетелях.

Сама виновата. Сама подставилась. Сама поверила, что сможет играть на этом поле. И теперь у неё осталась единственная возможность сделать хоть что-то по своему решению, а не по чьей-то прихоти.

Она открыла створку окна. В лицо ударил горячий августовский ветер. Десятый этаж. Там, внизу, уже спешили по делам прохожие, люди с кофейными стаканами, с собаками на поводках, с обычной жизнью, которая еще вчера была и у неё.

Инга залезла на подоконник, придерживаясь за оконную раму. Она не смотрела вниз — она смотрела на горизонт, туда, где за высотками терялась Москва-река.

— Прости, — прошептала она неизвестно кому. Может быть, самой себе. Может быть, той девочке, которая когда-то поступала на журфак и верила, что правда способна изменить мир.

И шагнула в пустоту.

Глава 3. На запретной стороне

Сочи встретил Алину не прохладой конференц-залов, а густым, почти осязаемым августовским зноем. В разгар сезона город жил на пределе своих возможностей: улицы захлестнули отдыхающие, такси медленно ползли по раскалённому асфальту, а воздух был таким тяжёлым, что казалось, его приходится не вдыхать, а проталкивать в лёгкие. В нём смешалось всё сразу — запах нагретого моря, цветущих олеандров, горячего бетона и выхлопных газов. Даже пальмы вдоль дороги выглядели утомлёнными, припорошёнными тонкой серой пылью, а синяя полоска моря, мелькавшая между домами, не обещала прохлады. Она лишь продолжала этот бесконечный зной.

Подходящий отель нашёлся далеко не сразу.

Все гостиницы возле конгресс-центра оказались заняты ещё несколько недель назад. Форум собрал организаторов, участников, журналистов, сотрудников служб безопасности, а поверх этого привычного делового потока город жил своей обычной августовской жизнью, принимая тысячи туристов, которым было совершенно безразлично, что где-то неподалёку обсуждают экономику и международную политику.

Лишь после нескольких безрезультатных попыток Алина свернула в один из тихих переулков Адлера, где взгляд зацепился за потускневшую вывеску пансионата с громким названием “Золотой берег”. Название звучало куда убедительнее самого здания. Фасад давно просился на ремонт, краска местами облезла, старый лифт натужно поскрипывал на каждом этаже и пах хлоркой вперемешку с сыростью. Зато хозяйка — невысокая армянка с усталыми глазами и золотым зубом — лишь пересчитала наличные, молча протянула ключ и даже не спросила документы. Это было именно то, что Алине сейчас требовалось.

Номер оказался тесным, но чистым. Продавленный диван, небольшой письменный стол у окна и старенький кондиционер, который тарахтел так, будто собирался развалиться в следующую минуту. Однако, со своей задачей он справлялся, постепенно выгоняя из комнаты липкую жару.

Алина поставила сумку на пол и подошла к окну.

С четвёртого этажа открывался вид на крыши частных домов, бельё, сохнущее на натянутых между дворами верёвках, стройные кипарисы, поднимавшиеся вверх по склону, и далёкую полоску моря, едва различимую в горячем мареве. Где-то там, за этим спокойным южным пейзажем, возвышался стеклянный комплекс конгресс-центра “Морской”.

Именно ради него она проделала весь этот путь. Именно ради него поставила на карту слишком многое.

Она машинально достала из сумки папку с документами, ещё раз проверила содержимое и только потом позволила себе ненадолго закрыть глаза. Мысли всё равно вернулись к Москве.

Инга.

Наверное, примерно в это время она вчера проснулась. Наверное, ещё пыталась понять, что произошло ночью.

Алина почти увидела, как та подходит к глобусу, открывает крышку, секунду смотрит внутрь, не веря собственным глазам, а потом начинает лихорадочно искать объяснение тому, что объяснить невозможно.

Она резко оборвала эту мысль.

Нет.

Сейчас нельзя было думать об Инге. Жалость всегда появляется не вовремя. Она заставляет оглядываться назад именно тогда, когда нужно смотреть только вперёд.

Каждый делает свой выбор. Инга — тоже.

Стоя в номере с украденным паспортом в сумке, в голове у Алины вдруг тут же появился образ отца. Он словно тень всегда появлялся в сознании девушки, когда она поступала против собственной совести. Не как укор, не как призрак, требующий ответа, а скорее как тихий свидетель, который просто стоял рядом и молча смотрел. И от этого молчания становилось тяжелее, чем от любых слов.

Когда-то давно отец говорил ей простые вещи. Что человек должен оставаться человеком, чем бы он ни занимался. Что если ты позволяешь себе то же, что и те, против кого выступаешь, — ты ничем от них не отличаешься. Что цель не оправдывает средства. Тогда, в четырнадцать, она кивала и верила. Потом выросла и, решив пойти его путём, очень вскоре поняла, что с этими правилами, к сожалению, далеко не уедешь.

Она пошла по незаконному пути. Переступила черту, которую он никогда бы не переступил. И самое страшное было не в том, что она это сделала. А в том, что почти не чувствовала вины.

Почти.

Алина медленно вдохнула, ощущая, как прохладный воздух кондиционера постепенно вытесняет дорожную усталость.

Завтра откроется регистрация участников форума. Завтра ей впервые придётся назвать себя чужим именем. И с этого момента любая ошибка перестанет быть просто ошибкой.

Регистрация участников открылась ровно в полдень.

Перед центральным входом в конгресс-центр уже выстроилась длинная очередь. Мужчины в безупречно сидящих костюмах, женщины в элегантных строгих платьях, сотрудники службы безопасности с непроницаемыми лицами — всё выглядело так, словно это была не деловая конференция, а закрытая церемония, куда случайные люди не попадали по определению. Чуть поодаль толпились журналисты без аккредитации, но дальше металлических ограждений их не пускали. Для участников форума существовал отдельный вход, который был укомплектован металлодетекторами, стойкой регистрации с несколькими уровнями проверки документов.

Алина заранее продумала каждую деталь своего образа.

Кремовый брючный костюм выглядел дорого, но не вызывающе. Именно настолько, чтобы не затеряться среди гостей и одновременно не привлекать ненужного внимания. Волосы были собраны в низкий пучок, макияж — почти незаметный. На плече висела сумка с ноутбуком и документами Инги. Со стороны она выглядела именно так, как и должна выглядеть журналистка крупного федерального издания.

Только она одна знала, что под этой внешней невозмутимостью жил страх.

Не панический, лишаящий способности думать.

Другой.

Холодный, собранный, заставляющий замечать каждую мелочь.

Она прошла долгую проверку на входе с рамкой металлодетектора, предоставляя доступ охране к своей технике, и оказалась внутри конгресс-центра.

Здесь всё работало с точностью дорогого механизма. Сотрудники в одинаковой форме встречали гостей, электронные табло показывали расписание секций, возле кофе-корнеров уже собирались первые компании. В просторном холле пахло свежемолотым кофе и дорогим парфюмом.

За стойкой регистрации сидела молодая женщина с бейджем “Организатор”. Безупречная укладка, идеальный маникюр, профессиональная улыбка. Алина машинально отметила, как та поправила стопку буклетов и выровняла ручку так, чтобы она лежала строго параллельно клавиатуре. Люди редко замечали подобные детали, но именно они лучше всего рассказывали о характере человека.

— Ваши документы, пожалуйста.

Алина протянула паспорт. Тот самый, который Марго превратила в произведение криминального искусства.

Организатор открыла документ, быстро сверила имя с базой, затем подняла глаза на Алину. И снова посмотрела в паспорт.

Пауза длилась всего несколько секунд, но Алине показалось, будто время внезапно перестало существовать.

Где-то за соседней стойкой смеялись люди, звенели кофейные чашки, кто-то говорил по телефону. Она слышала всё это удивительно отчётливо.

— Что-то не так? — спокойно спросила она.

— Одну минуту.

Девушка повернула к себе монитор и быстро застучала по клавиатуре. На экране открылось электронное досье.

Алина заметила, как взгляд регистратора несколько раз метнулся между монитором и её лицом. Потом женщина слегка нахмурилась, открыла ещё одно окно и снова замерла.

Секунды тянулись мучительно медленно.

Если хакер ошибся... Если хотя бы одна фотография осталась прежней... На этом всё закончится.

— Странно... — пробормотала организатор скорее себе, чем Алине.

Алина молчала. Сейчас любое лишнее слово могло прозвучать подозрительно.

— Анатолий Сергеевич, можно Вас на минуту?

Алина не сразу поняла, кого она зовёт. Обернулась и увидела мужчину лет пятидесяти, в строгом сером костюме, с бейджем “Служба безопасности форума” на груди. Он стоял в нескольких шагах, у колонны, и разговаривал с кем-то по рации. Услышав своё имя, обернулся, коротко кивнул и направился к стойке. Шёл он неторопливо, но в этой неторопливости чувствовалась привычка не спешить нигде и никогда.

Он подошёл, бросил короткий цепкий взгляд на Алину и только потом посмотрел на монитор, к которому его подозвала регистратор. Женщина что-то тихо сказала ему, указывая на экран.

Мужчина наклонился ближе, провёл пальцем по строчкам. Затем выпрямился, достал из внутреннего кармана пиджака пластиковую карту с магнитной полосой и приложил её к считывателю на стойке. Раздался короткий писк. На экране появилось новое окно с эмблемой службы безопасности форума и строкой для ввода. Мужчина быстро набрал код, скрывая клавиатуру ладонью, и только после этого система открыла доступ к расширенной версии досье.

Он снова посмотрел на Алину. На этот раз — внимательнее. Дольше.

— Документы, — произнёс он ровно.

Администратор протянула паспорт. Мужчина взял его, раскрыл, поднёс к свету. Несколько секунд изучал фотографию, потом — Алину. Потом снова фотографию.

Затем он сделал то, чего Алина не ожидала. Достал из кармана небольшую ультрафиолетовую лампу, которая была размером с авторучку, и провёл её лучом по странице с фотографией. В свете лампы на бумаге проступили защитные волокна и голограмма, которые невозможно было подделать.

Алина смотрела на это, стараясь не дышать. Марго говорила, что ламинат не трогает, что меняет только фотослой. Но она не говорила, что кто-то будет проверять паспорт ультрафиолетом.

“Если он сейчас ещё достанет микроскоп, то я точно упаду в обморок...” Мужчина наклонил голову, рассматривая голограмму под другим углом. Потом провёл лампой по краю страницы, проверяя, нет ли следов вскрытия ламината.

Алина ждала. Руки не дрожали, т.к. она запретила им дрожать. Только где-то в глубине живота всё сжалось в тугой узел, готовый разорваться в любую секунду.

— Чисто, — произнёс мужчина и убрал лампу в карман.

Он вернул паспорт, но не отпустил сразу, в задержал в руке, глядя Алине прямо в глаза.

— Всё в порядке, — наконец сказал он. — Бывает. Извините за задержку.

Он коротко кивнул регистратору, развернулся и пошёл обратно к колонне по своим делам, словно ничего и не произошло.

“Словно он не держал в руках мою жизнь...”

Алина не сразу поняла, что всё закончилось. Только когда организатор снова заговорила, её голос показался далёким, будто из другой комнаты.

— Ваш бейдж был распечатан заранее, — наконец сказала девушка. — Но фотография на нём отличается от той, которую система показывает. И... в электронном досье тоже везде Ваше изображение.

Она улыбнулась, чуть виновато, словно извиняясь за чужие технические неполадки.

— Похоже, произошёл какой-то сбой. Такое случается крайне редко.

— Бывает, — мягко ответила Алина. — Если это не мешает регистрации, думаю, ничего страшного.

— Конечно, нет. Сейчас всё исправим.

Организатор заметно расслабилась. Она изъела старый бейдж, вставила чистую заготовку в принтер и через несколько минут протянула Алине новую пластиковую карточку с синей лентой.

— Инга Валерьевна Романова. Издание “Новая хроника”, — вслух сверила она данные. — Добро пожаловать на форум. Ваша аккредитация открывает доступ в главный зал, секции “А” и “В”, пресс-центр и зоны неформального общения. Расписание есть в буклете.

— Благодарю.

Алина взяла бейдж, и он оказался неожиданно лёгким. Настолько лёгким, что трудно было поверить: именно эта пластиковая карточка открывала ей двери в мир, куда ещё несколько дней назад путь был закрыт.

Главный рубеж остался позади. Она незаметно выдохнула и направилась вглубь конгресс-центра.

Форум уже жил своей жизнью. В холлах обсуждали инвестиционные проекты, обменивались визитками, договаривались о встречах, знакомились. Кто-то пришёл заключать многомиллионные сделки, кто-то — искать влиятельных союзников, а кто-то просто хотел оказаться рядом с людьми, чьи фамилии регулярно появлялись в новостях.

Алина медленно двигалась между группами гостей, делая короткие заметки в телефоне и время от времени фотографируя пространство. Со стороны она выглядела обычной журналисткой, собирающей материал. На самом деле её интересовали не декорации, а люди.

Она изучала лица, запоминала привычки, отмечала, кто с кем здоровается первым, кто избегает камер, кто разговаривает слишком тихо.

Именно из подобных мелочей обычно складывалась настоящая картина происходящего.

Остановившись возле одной из колонн, Алина раскрыла программу форума, продолжая незаметно наблюдать за залом поверх страниц, и вдруг почувствовала это...

Чужой взгляд.

Ещё не осознав причину, она ощутила знакомое покалывание между лопатками. За годы журналистских расследований интуиция редко её подводила. Она медленно подняла голову.

Он стоял у панорамного окна, вполоборота, с чашкой кофе в руке, но не пил — просто держал, забыв о ней. Высокий, широкоплечий, в идеально скроенном сером костюме, который сидел на нём так, будто был сшит не портным, а самой природой. Каштановые волосы зачёсаны назад, открывая высокий лоб и чёткую линию скул. Серо-зелёные глаза были яркими, почти неестественно светлыми на фоне смугловатой кожи, и они смотрели прямо на неё.

Не на её бейдж. Не на её телефон. На неё. В этом взгляде не было профессионального интереса, с которым обычно смотрят организаторы на журналистов, оценивая степень их потенциальной опасности. Не было и праздного любопытства, с каким гости форума разглядывали друг друга в ожидании начала сессий. Было что-то другое — более личное, более пристальное, от чего по спине невольно пробежал холодок, а сердце сделало лишний удар.

Алина не знала его. Никогда не видела. Ни на фотографиях, ни в сводках новостей, ни в списках участников, которые она проштудировала перед поездкой. Но всё в нём — от дорогих

запонок до того, как он стоял, чуть сместив вес на одну ногу, с расслабленной уверенностью человека, привыкшего занимать пространство, — говорило о том, что он здесь не случайный гость.

Она заставила себя отвести взгляд и вернуться к программке. Не хватало ещё, чтобы её разоблачили из-за того, что она слишком пристально разглядывала незнакомого мужчину в ответ. Но через несколько секунд любопытство взяло вверх и она снова подняла глаза. Он всё ещё смотрел, а затем, словно только и ждал этого, поставил чашку на соседний столик и направился к ней.

Шёл он неторопливо, лавируя между гостями с той особой грацией, которая бывает только у людей, привыкших, что окружающие сами расступаются перед ними. Остановился в двух шагах. От него пахло дорогим одеколоном — сдержанным, древесным, с едва уловимой пряной ноткой.

— Прошу прощения, что подхожу без приглашения, — произнёс он. Голос оказался ниже, чем она ожидала. — Я наблюдаю за Вами последние десять минут и, кажется, совершенно забыл о правилах приличия. Обычно я так не делаю.

— Обычно? — переспросила Алина, чуть приподняв бровь. — То есть сегодня особый случай?

— Особый. — Он едва заметно улыбнулся, и от этой улыбки вокруг его глаз собрались тонкие лучики морщин.

Ему было точно за тридцать — тот возраст, когда юношеская привлекательность уже уступает место зрелой мужественности, но ещё не сдаётся окончательно, оставляя в чертах лица что-то неуловимо азартное.

— Обычно на подобных мероприятиях я думаю только о работе. Но сегодня Вы заставили меня отвлечься.

— И чем же я заслужила такую честь?

Он помолчал, разглядывая её с тем же выражением, с каким смотрят на картину, которая неожиданно привлекла внимание в галерее, полной других полотен.

— Этого я пока не понял, — признался он наконец, и в его голосе прозвучала искренность, которой она не ожидала. — Возможно, дело в том, как Вы держитесь. Вы стоите в стороне от всех, и при этом такое ощущение, что видите всё, что происходит вокруг. Это редкое качество. Обычно люди либо участвуют, либо наблюдают. Вы делаете и то и другое одновременно.

Алина почувствовала, как внутри разливается странное тепло. Она привыкла к мужскому вниманию — в конце концов, она была привлекательной женщиной и знала это. Но этот человек смотрел на неё иначе. Не как на объект. Не как на журналиста. А как на загадку, которую ему вдруг захотелось разгадать.

— Вы всегда так внимательны к незнакомым людям? — спросила она.

— Только к тем, кто выделяется. — Он протянул руку. — Егор.

Без визитки, без перечисления регалий и должностей. Этот жест сказал ей больше, чем любое представление: он не хотел, чтобы их разговор имел хоть какое-то отношение к работе.

— Инга, — ответила она, вложив ладонь в его руку.

Рукопожатие оказалось уверенным и удивительно спокойным. Не тем, которым пытаются произвести впечатление, а тем, к которому человек давно привык. Она машинально отметила тепло его ладони и почти сразу мысленно одёрнула себя.

— Рад знакомству, Инга.

Он произнёс её имя легко, без нарочитого флирта, и почему-то именно это прозвучало убедительнее любого комплимента.

— Я тоже. — Она позволила себе лёгкую улыбку. — И что же дальше, Егор? Вы подошли, чтобы сказать, что я выделяюсь. Допустим, я это услышала. Что теперь?

— Теперь, — он чуть склонил голову к плечу, и в его серо-зелёных глазах мелькнул озорной огонёк, — я надеюсь, что Вы будете на вечернем приёме. Там будет чуть менее официально, чем здесь. И, возможно, я даже смогу угостить Вас бокалом шампанского. Если, конечно, Вы не против.

— Я планировала там быть.

— Отлично. — Он сделал шаг назад, всё ещё глядя на неё с тем же заинтересованным, чуть загадочным выражением. — В таком случае, до вечера, Инга. Буду ждать.

Он чуть склонил голову на прощание и так же спокойно растворился в потоке гостей. Алина ещё несколько секунд смотрела ему вслед. Потом медленно перевела взгляд на программу форума. Строчки расплывались. Она перечитала один и тот же абзац дважды, прежде чем поняла, что не запомнила ни единого слова. Это раздражало.

Она приехала сюда совсем не за этим. Алина тряхнула головой, отгоняя наваждение. Работа. Она здесь ради работы. Но когда она двинулась дальше по залу, то поймала себя на том, что всё ещё чувствует на своей ладони тепло его руки. И это чувство ей совершенно не понравилось. Или, наоборот, понравилось слишком сильно — что, в сущности, было одним и тем же.

Вечерний приём проходил не в конгресс-центре, а в “Зимнем саду” — старинной резиденции на склоне горы, построенной ещё в начале прошлого века для одного из великих князей, а позже превращённой в закрытую площадку для мероприятий самого высокого уровня. Белокаменные колонны, густо увитые плющом, отражались в зеркальной глади бассейна, мраморные лестницы терялись среди кипарисов, а над главным залом поднимался огромный стеклянный купол, сквозь который уже проступали первые звёзды. Всё вокруг выглядело настолько

безупречно, что казалось не настоящим зданием, а дорогой декорацией к фильму о людях, привыкших жить в мире, где не существует случайностей.

Безопасность здесь тоже была частью декорации, только значительно более дорогой. На въезде досматривали каждый автомобиль, документы проверяли дважды, вдоль аллей почти незаметно перемещались сотрудники службы охраны с прозрачными гарнитурами, а ощущение постоянного наблюдения возникало ещё до того, как человек переступал порог резиденции. Гости могли не видеть камер, но быстро понимали: их здесь видят всех.

Алина приехала на такси немного раньше назначенного времени. Графитовое платье сидело безупречно, волосы были собраны в аккуратный низкий пучок, макияж оставался почти незаметным, а единственным украшением служили тонкие серебряные серьги, узкий браслет на запястье и клатч, в который она смогла вместить документы и маленькую записную книжку. Только пластиковый бейдж на синей ленте безжалостно разрушал тщательно выстроенный образ. Организаторы настояли, чтобы аккредитацию носили даже во время вечернего приёма, и ей оставалось лишь смириться с этим требованием, хотя холодный пластик на груди каждый раз напоминал, что вся её легенда держится на нескольких граммах бумаги в ламинате.

Внутри царила атмосфера спокойной, почти ленивой роскоши. Струнный квартет играл негромко, словно музыка существовала лишь затем, чтобы подчеркнуть чужие разговоры, официанты бесшумно скользили между гостями с подносами шампанского и канапе, а люди, чьи фамилии ежедневно мелькали в экономических новостях, общались так непринуждённо, будто собрались на семейный ужин.

Алина взяла бокал исключительно для того, чтобы не выделяться из общей картины, и медленно двинулась вдоль зала. За первый час она успела записать несколько разговоров, сделать десятки фотографий и отметить в блокноте не только фамилии, но и детали, которые редко попадали в объективы камер: кто первым подходил здороваться, кто демонстративно игнорировал бывших партнёров, кто смеялся слишком громко, скрывая раздражение, а кто предпочитал держаться в стороне и внимательно наблюдать за окружающими. Впервые за долгое время ей показалось, что риск действительно начинает окупаться.

Не удержавшись, она отправила Ильичу несколько снимков прямо с места событий.

Ответ пришёл почти мгновенно.

“Сумасшедшая. Продолжай.”

Эти два коротких слова неожиданно согрели сильнее любой похвалы. Ильич никогда не разбрасывался комплиментами, поэтому его сдержанное одобрение означало куда больше, чем десяток восторженных отзывов.

Она уже собиралась перейти в соседний зал, когда взгляд неожиданно зацепился за человека, которого здесь быть не должно.

Высокий мужчина с коротко подстриженными седыми волосами спокойно разговаривал сразу с несколькими влиятельными гостями форума. Его окружали председатель правления одного из крупнейших банков страны, заместитель федерального министра и руководитель инвестиционного фонда, однако создавалось впечатление, будто именно они добиваются его внимания, а не наоборот. Он говорил мало, чаще слушал, иногда задавал короткий вопрос, после которого собеседники начинали объясняться гораздо обстоятельнее, чем собирались несколько секунд назад.

Алина почувствовала, как внутри всё мгновенно напряглось.

Александр Юрьевич Бочаров.

Имя всплыло само собой.

Она тут же открыла электронную программу форума, быстро пролистала список участников, потом проверила сохранённый ещё в Москве файл.

Ничего. Его фамилии не было нигде. Это означало только одно: организаторы намеренно скрывали его присутствие.

Бочаров почти никогда не появлялся на подобных мероприятиях. Шестьдесят три года. Основатель и бессменный владелец “Стройпрома” — строительной империи, которая за двадцать лет выиграла больше государственных тендеров, чем любая другая корпорация в стране. Его состояние измерялось уже не миллионами, а миллиардами долларов, его связи простирались от Кремля до самых дальних уголков российской экономики.

Именно поэтому его появление здесь стоило десятка обычных сенсаций.

Профессиональный инстинкт сработал быстрее здравого смысла.

Алина незаметно двинулась следом, стараясь не сокращать дистанцию и не привлекать к себе внимания. Она украдкой делала фотографии, прислушивалась к обрывкам разговоров, ловила выражения лиц, фиксировала рукопожатия, понимая, что иногда одна случайная встреча может рассказать больше, чем целая пресс-конференция.

Она уже прикидывала в уме заголовок — что-то вроде “Тайный гость “Делового диалога”: что забыл Александр Бочаров на форуме, где его не ждали?” — когда в очередной раз подняла телефон, чтобы сделать новый снимок.

Наверное, именно в этот момент она совершила свою первую ошибку.

Один из охранников вдруг повернул голову и посмотрел прямо на неё.

Она замерла. Дыхание остановилось.

Их взгляды встретились лишь на мгновение, однако этого оказалось достаточно. Мужчина что-то негромко сказал Бочарову, и тот медленно обернулся.

Он не выглядел раздражённым или удивлённым. Он просто смотрел.

Спокойно, внимательно, почти лениво, как опытный охотник, который только что заметил в своём лесу особь, которой там быть не должно.

Потом что-то тихо произнёс своему сопровождающему и направился прямо к ней.

В этот момент Алина впервые за весь день по-настоящему испугалась. Сердце тяжело ударило в грудь, ладонь, державшая телефон, стала влажной, а в голове с пугающей скоростью начали сменять друг друга варианты развития событий.

Вызов службы безопасности, проверка документов, полиция, конец всей операции.

Но хуже всего было другое.

Она вдруг поняла, что убежать уже не сможет. Он шёл к ней с той спокойной уверенностью человека, который заранее знает исход любого разговора. И почему-то именно это пугало гораздо сильнее, чем любые угрозы.

Глава 4. Чужая шкура

Бочаров остановился рядом, не нарушая дистанции, но Алина всё равно почувствовала его присутствие почти физически. От него пахло дорогим табаком и каким-то старомодным древесным парфюмом. Это был запах человека, который давно перестал следовать моде, потому что сам стал частью мира, диктующего правила.

— Добрый вечер, — произнёс он негромко.

Голос оказался неожиданно спокойным, с лёгкой хрипотцой, какая появляется у людей, привыкших больше слушать, чем говорить.

— Добрый вечер.

Она заставила себя улыбнуться, хотя внутри всё уже болезненно сжалось.

— Должен признаться, — продолжил он, словно речь шла о пустяке, — редко встречаю людей, способных так настойчиво следовать за мной и при этом искренне считать, что остаются незамеченными.

Алина выдержала его взгляд.

— Простите?

— За последние двадцать минут Вы четыре раза меняли направление только потому, что его менял я. Трижды поднимали телефон, когда я останавливался поговорить с людьми, и дважды делали вид, будто изучаете архитектуру зала, хотя смотрели совсем не на колонны.

Он говорил без раздражения, почти доброжелательно, перечисляя факты с той безжалостной точностью, которая не оставляла возможности спорить.

— Работа такая, — спокойно ответила Алина. — Иногда приходится наблюдать.

— Как понимаю, журналист?

— Да.

— Тогда странно. — Он чуть склонил голову набок, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на любопытство. — Вы либо слишком наглы, либо слишком глупы, чтобы, прекрасно понимая, кто я и как отношусь к прессе, так настырно следовать за мной по всему залу.

— Наглость, — ответила Алина, — иногда единственное, что помогает выжить.

— Возможно. — Он едва заметно усмехнулся. — Но у наглости есть один недостаток. Она делает людей предсказуемыми. Вы думали, что контролируете ситуацию, но стоило мне лишь подойти к Вам, нарушив Ваш изначальный замысел, как сразу стало видно, что Вы из себя представляете...

Его взгляд неторопливо скользнул по синей ленте, остановился на бейдже, затем вновь поднялся к её лицу. В это мгновение в выражении его глаз что-то изменилось. Совсем немного, настолько, что другой человек, возможно, ничего бы не заметил, однако Алина отчётливо почувствовала: сейчас произошло нечто важное.

Бочаров перечитал фамилию ещё раз. Медленно. Внимательно. Словно проверяя собственную память.

— Инга Романова... — тихо повторил он.

Повисла короткая пауза.

Он вновь посмотрел ей в лицо, и теперь этот взгляд был уже совсем другим — цепким, изучающим, почти недоверчивым. Казалось, в голове собеседника стремительно складывались детали, которые никак не желали совпадать друг с другом.

— Пройдёте?

Вопрос прозвучал спокойно, без нажима. Он едва заметно кивнул в сторону небольшой ниши за тяжёлыми бархатными портьерами. Охранники без слов изменили позиции, образовав вокруг них живой коридор. Алина почувствовала, как неприятно холодеют ладони. Его предложение могло быть чем угодно: разоблачением, проверкой документов, вызовом службы без-

опасности, — но отказаться сейчас означало признаться ещё быстрее, чем при любых вопросах. Она последовала за ним.

Когда они остались одни, Бочаров некоторое время молчал. Он не спешил начинать разговор. Лишь внимательно рассматривал её лицо, будто пытался вспомнить давно забытую фотографию.

— Любопытно, — наконец произнёс он. — Очень любопытно.

Алина почувствовала, как по спине медленно пробежал холодок.

— Простите?

— Видите ли, Инга Романова мне хорошо знакома.

Он говорил всё так же спокойно, почти мягко, однако каждое слово ложилось тяжёлым грузом.

— Мы встречались не один раз, и память на лица меня ещё никогда не подводила.

Бочаров слегка наклонил голову.

— А значит, возникает закономерный вопрос.

Он выдержал паузу, не сводя с неё взгляда.

— Кто Вы?

На несколько секунд мир вокруг словно исчез.

Музыка растворилась где-то далеко, а смех гостей перестал существовать.

Остался только этот человек, его спокойный голос и ощущение, что ещё одно неверное слово — и всё, ради чего она рисковала последние трое суток, закончится прямо здесь.

Мысль солгать появилась автоматически. Сказать, что он ошибается, сослаться на давнюю пластическую операцию или посмеяться над странным совпадением? Любая из этих версий могла выиграть несколько секунд.

— Это всё нелепое...

— Советую хорошо подумать перед тем, как начать врать, — резко перебил её мужчина.

Встретившись с ним взглядом, она неожиданно поняла: этот человек всю жизнь принимал решения, от которых зависели судьбы тысяч людей. Он слишком хорошо разбирался в человеческих лицах, интонациях и страхе, чтобы поверить плохо придуманной легенде.

Она медленно выдохнула, с горькой печалью принимая поражение в своей афере.

“Дура... Просто дура. Каким местом я руководствовала, когда решила, что следить за таким человеком, будет хорошей идеей? Сама всё испортила...”, — подумала Алина.

— Меня зовут Алина Дмитриенко.

Имя прозвучало почти шёпотом.

Бочаров никак не отреагировал, лишь слегка прищурился.

— Я журналист. Работаю в издании, — она сделала паузу, словно собираясь с силами, чтобы продолжить, — в медиаиздании “Без фильтров”. На форум попала по чужой аккредитации.

Эти слова прозвучали неожиданно спокойно. Наверное, потому, что врать сегодня она уже устала.

— Значит, украли аккредитацию?

— Да.

— И паспорт?

— Да.

— И...

— Да. Я забрала всё, что было у Инги по форуму.

Он медленно кивнул, словно именно такого ответа и ожидал.

— Смело.

Ни осуждения, ни удивления, только короткое замечание, заставившее её почувствовать себя ещё неуютнее.

— Инга жива?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Алина не сразу поняла его смысл.

— Да... Конечно.

— Где она?

— В Москве, наверное... А с чего Вы решили, что...

— Она знает, что Вы здесь?

Бочаров вновь её перебил, не дав закончить вопрос. Алина поджала губы и опустила взгляд. Этого оказалось достаточно. Мужчина тяжело вздохнул.

— Значит, не знает.

Он отвернулся к окну, несколько секунд молча наблюдая за освещённым садом.

— Дмитриенко... Дмитриенко... — Он начал размеренно шагать, крутя фамилию Алины на языке, словно пробовал новое вино. Меньше чем через минуту Александр Юрьевич резко остановился и, повернувшись к девушке, пристально посмотрел ей в глаза. — Журналист Виктор Дмитриенко случайно не был вашим отцом?

Она вскинула голову, ощутив, как от заданного вопроса сердце остановилось в одну секунду.

“Что? Откуда...” — растерянно подумала Алина.

— Да... — растерянно ответила Алина.

— Я так и подумал.

Он произнёс это почти шёпотом, словно говорил не с ней, а с собственными воспоминаниями. Александр Юрьевич ещё раз внимательно посмотрел на девушку, в этот раз его взгляд тщательно скользил по лицу Дмитриенко. Алина ощущала себя под сканером, который анализирует документ с дотошной точностью, чтобы в будущем повторить его. От этого ей было некомфортно.

— Вы очень похожи на него.

— Вы были знакомы? — слова сами сорвались с губ девушки.

— Как сказать... Немного...

В его голосе впервые появилась усталость. Усталость была не показная, а настоящая. Такая, какую невозможно сыграть.

Он медленно повернулся обратно.

— Ваш отец был одним из немногих журналистов, которых можно было уважать.

Эти слова прозвучали неожиданно. настолько неожиданно, что Алина на мгновение забыла, зачем вообще приехала в Сочи.

— Поэтому я сейчас пытаюсь понять одну вещь.

Он снова посмотрел ей прямо в глаза.

— Неужели дочь Виктора Дмитриенко действительно решила украсть документы у коллеги только ради того, чтобы попасть на форум и написать пару грязных эксклюзивов на портале “такого” издания?

Каждое слово било точнее пощёчины, потому что в них не было осуждения, а только искреннее разочарование.

Облик отца тут же вновь появился в голове, он стоял рядом с Бочаровым и молчал, ожидая её оправданий. Алина почувствовала, как внутри поднимается протест.

— Послушайте, если Вы думаете, что я приехала сюда только ради того, чтобы разносить сплетни...

— Тогда ради чего? — перебил Бочаров.

Губы девушки сомкнулись в тонкую линию. Она могла бы соврать. Могла бы сказать то, что он хотел услышать: про профессиональный долг, про служение обществу, про всё то, что обычно говорят в таких случаях. Но, глядя в его глаза — усталые, всё понимающие, видевшие слишком многих журналистов, которые приходили к нему с вопросами и уходили ни с чем,

— она вдруг поняла, что врать не хочет. Не ему. Не сейчас. Этот человек только что сказал о её отце то, чего она не слышала ни от кого за последние десять лет. И почему-то именно это обезоружило её сильнее любых угроз.

Она выдохнула, расправила плечи — жест, который всегда помогал ей собраться перед сложным разговором, — и сказала то, во что уже давно сама перестала верить.

— Ради правды.

Мужчина едва заметно усмехнулся и с каким-то лёгким упрёком покачал головой.

— Очень опасное слово.

— Но другого у меня нет.

— Как и у Вашего отца...

Он замолчал.

Пауза затянулась настолько, что Алина уже приготовилась услышать приказ вызвать охрану. Однако вместо этого Бочаров неожиданно посмотрел куда-то поверх её плеча и его лицо мгновенно изменилось. Взгляд стал жёстким, настороженным и даже, как показалось Дмитриенко, каким-то ненавистным. Он словно устроил зрительную баталию с кем-то в зале. С кем-то, кто явно интересовал его гораздо сильнее, чем самозванка с чужим бейджем.

Алина машинально обернулась, но среди большого количества гостей она не могла понять, кто именно был целью мужчины.

Бочаров резко отвернулся и отошёл на пару шагов от девушки. Несколько минут Александр Юрьевич молчал и не двигался, будто что-то быстро просчитывал в уме, затем едва заметно качнул головой и тихо произнёс:

— Подождите здесь.

Не объясняя причин, он быстрым шагом направился к одному из закрытых кабинетов. Охранники остались на своих местах, недвусмысленно давая понять, что уходить Алине не стоит.

Она осталась одна. Если не считать троих вооружённых мужчин, внимательно следивших за каждым её движением.

И только теперь поняла, что всё это время почти не дышала.

"Что происходит? Почему Бочаров не вызвал охрану сразу? Почему вообще заговорил с ней? Почему вспомнил отца?"

Вопросы накатывали один за другим, не оставляя времени на ответы.

Всё происходящее переставало походить на обычную журналистскую удачу. Скорее, она случайно открыла дверь, за которой скрывалось нечто гораздо опаснее материала для первой полосы.

Минуты тянулись мучительно медленно.

Из большого зала доносились приглушённые голоса, звенели бокалы, струнный квартет продолжал играть что-то лёгкое и беззаботное, будто за несколькими портьерами не решалась чья-то судьба.

Наконец дверь кабинета открылась, но Бочаров вышел не сразу.

Сначала появился один из его охранников, внимательно осмотрел коридор, затем посторонился, пропуская Александра Юрьевича.

Тот выглядел заметно старше, чем несколько минут назад. Лицо осталось таким же спокойным, но между бровями залегла глубокая складка, а взгляд потяжелел, словно за эти несколько минут ему сообщили нечто, чего он давно опасался услышать.

Он вновь посмотрел в сторону зала, задержав взгляд на том же самом месте, куда смотрел ранее, после чего тихо, почти неслышно пробормотал:

— А ведь сейчас мог бы сидеть дома и играть с ней в шахматы, вместо того чтобы снова разгребать чужие ошибки.

Он говорил будто самому себе.

Потом поднял глаза на Алину. И в этот момент она неожиданно увидела перед собой не миллиардера, не человека, которого боялись министры и губернаторы, а смертельно уставшего мужчину, на плечах которого лежало слишком много чужих судеб.

— Возможно... — медленно произнёс он, словно продолжая собственные мысли, — возможно, даже хорошо, что именно Вы оказались здесь.

Он выдержал долгую паузу.

— Если в Вас действительно осталось хоть что-то от Виктора Дмитриенко, если Вы всё ещё способны отличить пустую сенсацию от правды, значит, сегодняшний разговор был не напрасен.

Бочаров протянул руку.

— Бумагу и ручку.

Почти не осознавая своих действий, Алина отдала ему свою записную книжку и серебряную ручку, с которой она не расставалась уже много лет.

Он раскрыл блокнот на чистой странице, вырвал лист и быстро написал несколько цифр своим широким, размашистым почерком.

Потом сложил лист пополам и протянул его ей вместе с маленькой металлической флешкой.

— Один раз Вы уже доказали, что способны довести расследование до конца, — его взгляд стал жёстким. — Постарайтесь, чтобы и на этот раз Вам хватило смелости. Возможно, завтра Вам будет о чём написать.

Алина ошеломлённо смотрела на листок с флешкой, потом на Бочарова. В голове не укладывалось.

— Подождите, — вырвалось у неё, когда Бочаров уже повернулся, чтобы уйти. — Это номер Вашего телефона? Когда я могу Вам позвонить? Что на флешке? Я не понимаю...

Он не ответил. Только махнул рукой — небрежно, почти обречённо, — и скрылся в сопровождении охраны за дверью того самого кабинета, из которого вышел несколькими минутами ранее.

Алина осталась стоять в нише — оглушённая, растерянная, сжимающая предметы в руке.

"Что это, чёрт возьми, значит?"

Ответа у неё не было.

Следующий час растворился для Алины в вязком полусне, где тело продолжало действовать по привычке, а мысли упрямо возвращались к одному и тому же. Она переходила от одной группы гостей к другой, фотографировала, незаметно включала диктофон, делала пометки в записной книжке, машинально отмечая действия и слова гостей. Материал для нового расследования собирался сам собой — привычно, почти без её участия, однако впервые за долгое время работа не приносила удовлетворения.

Слова Бочарова не отпускали.

"Один раз Вы уже доказали, что способны довести расследование до конца."

Фраза звучала в памяти снова и снова, меняя оттенки, обрастая скрытыми смыслами, которых она никак не могла уловить.

"О чём он говорил? Почему вспомнил её отца? И зачем вообще дал ей этот номер?"

Сложенный листок бумаги и флешка лежали во внутреннем кармане сумочки, и Алине казалось, будто они весили не несколько граммов, а целую тонну.

К полуночи приём начал медленно угасать. Музыканты доигрывали последние композиции, официанты всё чаще уносили пустые бокалы, а гости, утомлённые длинным днём переговоров и бесконечных знакомств, один за другим направлялись к выходу. Роскошный особняк постепенно избавлялся от праздничного лоска, обнажая усталость, которая всегда приходит после подобных мероприятий.

Именно тогда она снова увидела Бочарова.

Он вышел из того самого кабинета, куда исчез после их разговора, и неторопливо направился к барной стойке. Со стороны могло показаться, что ничего не произошло: всё тот же спокойный, размеренный шаг, всё тот же невозмутимый профиль человека, привыкшего жить под тяжестью власти и ответственности. Только сейчас он выглядел иначе. Плечи словно опустились, лицо осунулось, а глубокие морщины вокруг рта стали ещё резче. В руках он держал высокий стакан с минеральной водой.

Охраны рядом не было.

Во всяком случае, не было видно.

Алина почувствовала, как внутри вновь поднимается мучительное сомнение. Если не сейчас, другого случая может уже не представиться.

"Нужно подойти, рискнуть ещё раз. Попросить объяснений или хотя бы спросить об отце."

Она сделала несколько шагов, осторожно обходя гостей, стараясь не привлекать внимания, но не успела приблизиться даже на половину расстояния.

Александр Бочаров внезапно остановился.

На одно короткое мгновение ей показалось, что он просто потерял равновесие. Затем его лицо болезненно исказилось, словно невидимая рука стиснула горло изнутри. Он резко вдохнул, но воздух будто перестал подчиняться ему. Пальцы судорожно сжались вокруг стакана, суставы побелели от напряжения, а свободная рука инстинктивно метнулась к груди.

Стакан выскользнул.

Ударившись о мраморный пол, он разлетелся десятками сверкающих осколков, и этот сухой, режущий слух звон неожиданно перекрыл даже музыку струнного квартета.

Несколько человек обернулись.

Бочаров попытался удержаться за край барной стойки, но пальцы лишь бессильно скользили по полированной поверхности. Его губы приоткрылись в беззвучной попытке вдохнуть, лицо стремительно теряло краски, а из уголка рта медленно выступила тонкая струйка крови — слишком яркая, почти неестественная на фоне стремительно белеющей кожи.

Мир вокруг будто замедлился.

Алина видела, как он ещё мгновение борется с собственным телом, словно отказывается признать происходящее, а затем тяжело оседает вниз.

Не падает, а именно оседает. Будто из человека разом вынули всё, что удерживало его на ногах.

Глухой удар тела о мраморный пол прозвучал неожиданно тихо.

Тишина длилась всего долю секунды.

Потом зал взорвался.

Женщина неподалёку вскрикнула так пронзительно, что этот звук, казалось, расколол стеклянный купол над головой. Несколько мужчин одновременно бросились к Бочарову, официанты растерянно замерли с подносами, кто-то уже кричал, требуя врача, кто-то вызывал скорую помощь, а охрана за считанные мгновения превратила праздничный приём в режим чрезвычайной ситуации, оттесняя гостей и освобождая пространство вокруг лежащего на полу человека.

Паника распространялась стремительно, почти физически ощущаясь в воздухе.

Люди отступали, сталкивались друг с другом, пытались понять, что произошло, перебивали друг друга вопросами, на которые пока никто не мог ответить.

Алина продолжала стоять неподвижно. Она словно приросла к полу, не в силах сделать ни шага. Перед глазами всё ещё стоял их недавний разговор, спокойный голос Бочарова, его неожиданное доверие, номер телефона и флешка, которые теперь казались частью какой-то головоломки, смысл которой она уже никогда не сможет узнать.

Под телом медленно растекалось тёмное пятно крови. Оно становилось всё шире.

Именно тогда журналист в ней победил потрясённую женщину.

Рука сама потянулась к телефону — не потому, что она приняла осознанное решение, а потому, что за долгие годы профессия успела превратиться в инстинкт. Она открыла камеру и, почти не чувствуя собственных пальцев, сделала первый снимок.

Потом второй. Третий.

Каждый кадр фиксировал не просто смерть одного из самых влиятельных людей страны. Он сохранял мгновение, которое уже через несколько минут начнут переписывать свидетели, пресс-службы, силовики и чиновники, превращая правду в удобную для всех версию событий.

Последний снимок оказался самым страшным.

Александр Викторович Бочаров лежал на холодном мраморе среди осколков разбитого стакана, а вокруг него уже смыкалось кольцо охраны и врачей. Ещё чуть больше четверти часа назад он говорил с ней о её отце, давал наставления, а теперь молчал навсегда.

И в этот момент Алину пронзила мысль, от которой по спине пробежал ледяной холод.

Она приехала на форум в поисках сенсации.

Но сенсация только что произошла у неё на глазах.

И, возможно, с той самой секунды она перестала быть сторонним наблюдателем. Она стала частью этой истории.

Глава 5. Идеальная подозреваемая

Хаос, накрывший "Зимний сад" после падения Бочарова, был оглушительным. Кто-то из гостей в панике бросился к выходу, кто-то замер, прижав руки к губам, официанты растерянно жались к стенам, всё ещё сжимая подносы с нетронутым шампанским. Охрана Бочарова, которая оцепила тело, пыталась оттеснить любопытных, но было уже поздно: весть о смерти миллиардера распространялась быстрее, чем любой вирус.

Алина стояла неподвижно, всё ещё сжимая в руке телефон с фотографиями, которые теперь казались не уликами, а приговором. Она видела, как к телу бросились врачи — те самые, что дежурили на мероприятии на случай, если кому-то из высокопоставленных гостей станет плохо. Видела, как они пытались нащупать пульс, как переглянулись между собой и покачали головами. Видела, как один из них накрыл лицо Бочарова белой салфеткой — небрежно, почти буднично, словно закрывал не человека, а неодушевлённый предмет.

И только тогда до неё дошло окончательно.

"Он мёртв. Человек, который двадцать минут назад говорил о моём отце, только что умер у меня на глазах. А я стою здесь с телефоном, полным фотографий его трупа, и с чужим бейджем на шее."

Инстинкт самосохранения сработал быстрее рассудка.

Она попятилась. Медленно, стараясь не привлекать внимания, сделала шаг назад, потом ещё один, потом развернулась и двинулась к выходу — не быстро, но и не медленно, тем самым шагом, которым ходят люди, уверенные, что имеют полное право находиться там, где находятся.

Главный выход уже перекрыли. Двое охранников встали по обе стороны дверей, и один из них громко объявил:

— Уважаемые гости, просим всех оставаться на своих местах. До выяснения обстоятельств никто не покидает здание. Это требование службы безопасности.

По залу прокатился возмущённый ропот. Кто-то требовал объяснений, кто-то ссылаясь на дипломатический статус, кто-то просто возмущался тем, что его, человека с состоянием в несколько миллиардов, смеют задерживать, как обычного подозреваемого. Но охрана была непреклонна.

Алина перевела дыхание и направилась к боковой двери — той самой, через которую, как она заметила ранее, выходил обслуживающий персонал. Если повезёт, коридор будет пуст. Если повезёт ещё больше, камера над дверью окажется такой же бесполезной, как та, что не работала у Инги в подъезде.

Ей почти удалось.

Она уже взялась за ручку, уже потянула дверь на себя, когда перед ней словно из ниоткуда возник высокий мужчина в форме. Короткая стрижка, непроницаемое лицо — он был из тех, кто не задаёт вопросов дважды.

— Стоять, — произнёс он. — Вы задержаны.

Алина открыла рот, чтобы возразить, но с обеих сторон уже появились ещё двое сотрудников. Один из них аккуратно, но крепко взял её за локоть. Сопротивляться было бессмысленно.

Её провели через служебные коридоры особняка — те, что были скрыты от глаз гостей тяжёлыми портьерами и массивными дверями с кодовыми замками. Шаги гулко отдавались от каменных плит. Где-то впереди маячила прямая, как древко знамени, спина первого военного.

Вскоре они остановились перед высокой дубовой дверью. Один из сопровождающих распахнул её и жестом приказал Алине войти. Она переступила порог, и дверь за её спиной закрылась с тяжёлым, окончательным звуком. Дмитриенко обвела помещением взглядом.

“Какой-то кабинет... Явно не тюремная камера, но и не гостиничный номер.”

Стены, обшитые тёмным деревом, создавали ощущение замкнутого пространства, несмотря на довольно внушительные размеры комнаты. В центре стоял массивный дубовый стол, потемневший от времени, с потёртостями на углах — следами чьих-то локтей, принимавших здесь решения десятилетия назад. Вдоль стен стояли книжные шкафы с кожаными корешками. На стенах висели несколько картин в тяжёлых золочёных рамах: морские пейзажи, написанные маслом, должно быть, ещё в прошлом веке. Пахло старым деревом, книжной пылью и едва уловимым ароматом сигарного дыма, въевшегося в обивку кресел.

Вещей у Алины не было. Телефон и сумку изъяли ещё у входа. Она осталась в вечернем платье и с бейджем на шее — единственным напоминанием о том, кем она здесь была. Вернее, кем притворялась.

Она опустила на стул с высокой резной спинкой и приготовилась ждать.

Минуты тянулись бесконечно. За окном уже давно стояла глубокая южная ночь. Луна висела над кипарисами, заливая сад холодным серебристым светом. Где-то там, за оцеплением, продолжалась обычная жизнь. А здесь, в этом кабинете, время словно застыло.

Она не знала, сколько прошло — час, два, три. Часы на стене отсутствовали. Оставалось только считать удары сердца и трещины на потолке.

Затем дверь открылась.

Вошедший мужчина не был одет в форму. Тёмный классический костюм, белая рубашка, никаких знаков отличия. Только по тому, как он держался, как двигался, как закрыл за собой дверь, Алине было ясно: этот человек привык к власти. Привык, что его слушаются. Привык, что его боятся.

Он был брюнетом — жгучим, с короткой стрижкой, которая подчёркивала острые, почти хищные черты лица. Высокие скулы, твёрдая линия подбородка, тонкие губы. Но главным были глаза. Тёмные, глубоко посаженные, с каким-то особенным, нездешним блеском.

“Такие глаза бывают у людей, которые видели то, чего другим лучше никогда не видеть...”

В них читалась спокойная, расчётливая, не нуждающаяся в подтверждении опасность.

Он молча подошёл к столу, положил перед собой тонкую папку, сел напротив Алины и несколько секунд изучал её с тем же выражением, с каким, должно быть, изучал бы карту местности перед военной операцией. Затем заговорил — негромко, почти лениво:

— Сергей Колесников. Подполковник Федеральной службы охраны Российской Федерации. Руководжу оперативной группой по безопасности этого мероприятия. — Он откинулся на спинку стула. — А Вы, стало быть, журналистка. Инга? Или лучше Алина?

Дыхание остановилось.

"Вот и всё. Это конец...", — пронеслось у Алины в голове.

Мужчина задал вопрос таким тоном, словно он уже всё знал про неё и отпираться было бессмысленно.

— Алина... Я могу объяснить, — начала девушка, но Колесников поднял руку, останавливая её.

— Объяснения — это прекрасно. Я люблю объяснения. Особенно когда они правдивые. — Он раскрыл папку и пробежал глазами по первой странице. — Итак, что мы имеем. Александр Викторович Бочаров мёртв. Вы — последний человек, с которым он разговаривал перед смертью. Мой сотрудник задержал Вас при попытке покинуть здание через служебный выход. Ваш телефон, который мы изъяли, полон фотографий Бочарова — сделанных как до, так и после его смерти, — а также снимков других участников форума. Все — скрытно, без их ведома.

Он перевернул страницу.

— Кроме того, при Вас обнаружено два паспорта. Один на имя Алины Викторовны Дмитриенко. Второй — на имя Инги Валерьевны Романовой. Оба с Вашей фотографией. И сейчас мои подчинённые пытаются разобраться, сколько же Вас на самом деле — одна или две. Потому что, согласитесь, такая двойственность наводит на определённые размышления.

Внутри у Алины всё оборвалось.

"Зачем я взяла с собой свой реальный паспорт? Зачем сунула его вместе с остальными документами? Дура! Дура! Дура!"

Она видела, как Колесников смотрит на неё — спокойно, выжидающе, словно рыбак, который только что почувствовал поклёвку и теперь не торопится подсекать, давая рыбе глубже заглотить крючок. Он знал, что она запаниковала. Знал и наслаждался этим.

"Хотя... Это ничего не исправило бы. Даже если бы настоящего паспорта у меня с собой не было, они всё равно отправили бы запрос в МВД по базе данных, и тогда система показала бы, что Инга Романова существует, что у неё другое лицо. А та, кто сидит сейчас перед ними — самозванка. Всё. Это уголовная статья. Подделка документов, мошенничество, а теперь ещё и подозрение в соучастии в убийстве. Боже, во что я превратила свою жизнь за какие-то трое суток?"

Она сцепила руки под столом, чтобы скрыть дрожь. Пальцы были ледяными, хотя в кабинете стояла духота. Сердце колотилось где-то у самого горла, а в висках стучало так громко, что она почти не слышала собственных мыслей.

— А теперь, гражданка Дмитриенко, — продолжил Колесников, закрывая папку, — я хочу услышать от Вас правду. Что связывало Вас с Бочаровым? Почему он подошёл именно к Вам? И кто помог Вам подделать документы на форум?

Алина глубоко вздохнула.

— Я не убивала Бочарова. Я вообще не знала, что он будет здесь. Его имени не было в списках участников, я понятия не имела, что он здесь, пока не увидела его в зале. Я просто выполняла свою работу — собирала материал для статьи. Когда он подошёл ко мне, я решила, что это мой шанс. Шанс задать вопросы человеку, который никогда не даёт интервью. Я не знала, что он умрёт через двадцать минут. Я не имею к этому никакого отношения.

— Шанс, — повторил Колесников с той же ленивой интонацией, но в его тёмных глазах мелькнуло что-то нехорошее. — Вы подделали документы, проникли на закрытое мероприятие, преследовали одного из самых влиятельных людей страны, сфотографировали его мёртвым, а потом попытались сбежать. И всё это Вы называете "шансом"?

Он уже собирался продолжить, когда дверь кабинета распахнулась.

В комнату вошли трое.

Первый — седоватый мужчина с военной выправкой, в дорогом штатском костюме, который сидел на нём как мундир. Судя по тому, как мгновенно подобрался Колесников, это был его непосредственный начальник. Второй — грузный, лысеющий, с цепким взглядом и тяжёлой челюстью — держался с той особой уверенностью, какая бывает только у людей, годами работающих в кремлёвских кабинетах. И третий...

Третьим был Егор.

Он вошёл последним, но именно его присутствие мгновенно изменило атмосферу в комнате. Каштановые волосы чуть растрёпаны, серо-зелёные глаза обвели кабинет, на мгновение задержались на Колесникове, затем переместились на Алину — и расширились от узнавания. В этом взгляде смешалось всё: удивление, неверие, какая-то странная, почти болезненная настороженность.

— Инга?

Алина встретила его взгляд и, несмотря ни на что, почувствовала, как внутри стало немного легче.

— Здравствуйте, — произнесла она негромко. — Вот мы и встретились...

Он ничего не ответил. Только продолжал смотреть, и в его глазах читался немой вопрос, который она пока не могла расшифровать.

— Колесников, — резко произнёс седоватый мужчина, — выйди. Разговор есть.

— У меня вопрос...

— Я сказал — выйди.

Подполковник поджал губы, но подчинился. Все четверо мужчин вышли в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. Однако стены старого особняка были толстыми, но не звукоизолирующими, и до Алины долетали обрывки разговора. Громкие, резкие, полные того особого напряжения фразы, которое возникают, когда большие люди делят зоны влияния.

— ...не ваше дело, это расследование ФСО... — голос Колесникова.

— ...Бочаров был под патронажем президента, вы понимаете, что будет завтра в новостях?... — рычал грузный, и Алина догадалась, что это начальник Егора.

— ...действовать только под нашим контролем, никакой самостоятельности...

— ...вы не можете диктовать...

— ...могу. И буду.

Дверь снова распахнулась, и в кабинет зашли Колесников и Лебедев.

После ухода начальства атмосфера в кабинете изменилась почти неуловимо, но настолько ощутимо, что Алина сразу это почувствовала. Разговор за дверью словно расставил новые акценты: Сергей вернулся раздражённым и ещё более жёстким, чем прежде, тогда как Егор, напротив, выглядел необычно сдержанным, будто за несколько минут успел узнать нечто такое, что заставило его пересмотреть собственное отношение к происходящему. Напряжение не исчезло — оно лишь сменило форму, сделавшись тяжелее и опаснее.

Колесников медленно опустился в кресло, положил перед собой папку и некоторое время молчал, разглядывая Алину с холодной сосредоточенностью профессионального следователя. Егор занял место немного в стороне, ближе к ней, чем прежде, но всё же сохранив достаточную дистанцию, чтобы никто не смог истолковать этот выбор как попытку принять её сторону.

— Продолжим, — сухо произнёс подполковник.

Он едва успел открыть папку, как в дверь осторожно постучали. На пороге появился молодой сотрудник в форме, быстро подошёл к столу и передал несколько свежих распечаток. Колесников молча просмотрел верхний лист, затем перевернул ещё один, после чего уголки его губ едва заметно дрогнули в удовлетворённой усмешке.

— Ваш настоящий паспорт мы уже проверили, гражданка Дмитриенко. Заодно решили поинтересоваться Вашей профессиональной биографией.

Он поднял глаза.

— Знаете, что показалось особенно любопытным? Ваша редакция даже не пытается скрывать Вас. Более того, складывается впечатление, что там искренне гордятся своими сотрудниками. В том числе человеком, который проник на закрытое мероприятие по поддельным документам.

— Редакция здесь ни при чём, — спокойно ответила Алина, хотя внутри закипала смесь из привычного упрямства и неуместной сейчас справедливости. — Это было исключительно моё решение.

— Какое благородство, — протянул Колесников. — Почти трогательно.

— Продолжайте в том же духе, — неожиданно вмешался Егор, не повышая голоса, — и очень скоро выяснится, кто именно здесь достоин восхищения. Правда, уже из материалов служебной проверки, потому что протокол допроса Вы, кажется, до сих пор не ведёте.

Колесников медленно повернул голову.

— Лебедев, Вы присутствуете здесь как представитель организаторов форума, а не как её адвокат.

— Именно поэтому я и напоминаю Вам о процедуре. Пока я не услышал ни одного вопроса, который нельзя было бы задать без сарказма.

— Моим методам оценку будете давать потом.

— Если потребуется, обязательно дам.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Ни один не повышал голос, однако воздух между ними словно натянулся до предела. В этой тихой словесной дуэли чувствовалась старая взаимная неприязнь людей, которым не раз приходилось работать вместе, но так и не удалось научиться доверять друг другу.

Алина переводила взгляд с одного мужчины на другого, всё отчётливее понимая, что их спор имеет к ней лишь косвенное отношение. Она стала причиной столкновения, но истинные причины этого противостояния возникли задолго до её появления.

В этот момент дверь снова открылась.

Тот же молодой сотрудник вернулся уже с планшетом в руках, быстро подошёл к столу и что-то тихо сказал Колесникову. Подполковник выслушал доклад, забрал устройство и несколько минут внимательно изучал появившуюся на экране информацию.

На этот раз он улыбнулся открыто.

— Ну что ж... база МВД подтвердила наши предположения. Паспорт Инги Романовой — фальшивый.

Он развернул планшет к Егору.

— Знакомьтесь. Алина Дмитриенко. Журналист интернет-издания "Без фильтров". Издания, которое предпочитает расследованиям громкие заголовки, а журналистской этике — вторжение в чужую жизнь.

Егор молча взял планшет.

Алина внимательно следила за его лицом и почти физически ощутила момент, когда выражение его глаз изменилось. Он не выглядел разгневанным или даже возмущённым. Гораздо хуже — он выглядел разочарованным.

Это было тихое, почти незаметное изменение, но именно оно ударило сильнее всего. Утром этот человек смотрел на неё с неподдельным интересом, словно увидел в ней кого-

то необычного. Теперь же между ними словно возникла невидимая стена, выстроенная из нескольких сухих строчек служебной справки.

И именно это неожиданно оказалось больше всех язвительных замечаний Колесникова.

— Значит, всё-таки Алина Дмитриенко, — произнёс Егор, медленно возвращая планшет на стол. — Тогда объясните одну вещь. Откуда у Вас оказалась аккредитация Инги Романовой? Только, пожалуйста, не пытайтесь убедить меня, что Вы нашли её случайно на улице.

Алина несколько секунд молчала. Придется сказать правду. Полуправду.

— Мы давно знакомы, — тихо сказала она. — В тот вечер мы встретились в баре, разговаривали, а когда она отвлеклась... я забрала её документы. Паспорт. Аккредитацию. Всё.

Она опустила взгляд.

— Да. Я их украла. Но...

— Подведём итог, — прервал её Колесников, явно наслаждаясь моментом. — Незаконное проникновение на закрытое мероприятие. Фальсификация документов в базе форума. Кража аккредитации. Вторжение в частную жизнь участников мероприятия. Попытка бегства с места преступления. И это я ещё не упоминаю паспорт...

— Дайте мне уже сказать, — перебила Алина, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Да, я работаю в жёлтой прессе. Да, я украла аккредитацию у Инги. Да, я подделала паспорт. Но я не убивала Бочарова. Я понятия не имею, кто это сделал и зачем. Мы с Ингой просто встретились в баре. Я лишь ...

— Просто встретились в баре, — повторил Колесников. — И просто украли документы. Очень удобно.

— Я не...

— Хватит!

Он снова взял планшет, провёл пальцем по экрану и развернул его к Алине. На экране застыл стоп-кадр с камеры наблюдения.

— Это Ваш "просто разговор в баре".

Он нажал воспроизведение. Камера отдалённо снимала дневной двор жилого комплекса "Сады Пекина". Знакомый двор, подъезд. Дмитриенко всмотрелось в изображение, пытаясь понять, о чём говорит мужчина.

"Не понимаю..."

Неожиданно взгляд Алины скользнул по самому зданию и завис на уровне десятого этажа.

Алина замерла.

Она смотрела, как женская фигура стоит на подоконнике открытого окна. Лицо её было бледным пятном на зернистом изображении. Одна рука цепляется за раму, а потом пальцы разжимаются.

Тело устремилось вниз. Удар. Визг тормозов. Крики прохожих.

Алина отшатнулась, зажимая рот ладонью. К горлу подступила тошнота. Она хотела отвернуться, но не могла. Изображение на планшете продолжало двигаться. Кадр переключился на другой ракурс: люди бежали к телу, кто-то вызывал скорую, кто-то отворачивался, не в силах смотреть. Вновь переключение. И наконец — крупный план. То, что осталось.

— Достаточно, — прошептала она. — Пожалуйста, хватит.

Но Колесников не остановил запись.

— Её тело попало под машину, — произнёс он всё тем же спокойным, почти будничным тоном. — В крови обнаружен алкоголь и снотворное. Вы ничего ещё не хотите рассказать, Дмитриенко?

Алина молчала. Сердце колотилось где-то в горле. Перед глазами всё плыло.

В голове появился Глеб. Тот самый Глеб, которому она позвонила из бара. Тот самый, который подсыпал Инге снотворное по её просьбе. Тот самый, который предупреждал, что "в третьем акте их обоих нашли мёртвыми".

"Я не убивала её. Я только хотела забрать документы. Я не думала, что она..."

Но слова застряли в горле. Потому что где-то глубоко внутри она уже понимала: её действия были звеном в цепи, которая привела Ингу к этому подоконнику. И от этого понимания не спасали никакие оправдания.

Перед глазами всё поплыло. Кабинет начал вращаться, лица мужчин расплылись, превратились в серые пятна. Она почувствовала, как пол уходит из-под ног, и в следующую секунду мир погрузился в темноту.

Последнее, что она услышала перед тем, как потерять сознание, был встревоженный голос Егора:

— Чёрт, да она же сейчас... Держи её!

Но было уже поздно. Алина провалилась в пустоту, и эта пустота оказалась милосерднее всего, что происходило с ней в последние часы.

Глава 6. Безвыходный компромисс

Сознание возвращалось медленно, мучительными толчками, словно Алина всплывала с такой глубины, где уже перестаёшь различать, что было сном, а что происходило наяву. Сначала возник запах. Он был резкий, едкий, от которого защипало в носу и болезненно заныло где-то за глазами. Затем постепенно начали появляться звуки: приглушённые мужские голоса совсем рядом, негромкие, напряжённые, будто их обладатели старались говорить тише, но всё равно не могли скрыть раздражения. И только потом сквозь сомкнутые веки пробился тусклый жёлтый свет.

Она с усилием открыла глаза.

Над ней склонился Колесников. В одной руке он держал ватный тампон, пропитанный нашатырным спиртом, другой придерживал её за плечо, не столько помогая, сколько не позволяя снова потерять сознание. Его тёмные глаза были по-прежнему холодны и сосредоточенны. Ни тревоги, ни сочувствия, ни раздражения — только сухой профессиональный интерес человека, который оценивает состояние объекта и решает, пригоден ли тот к дальнейшему разговору.

— Очнулась, — коротко произнёс он, убирая ватку. — Хорошо.

Алина попыталась подняться, но стоило ей приподняться на локте, как комната плавно качнулась перед глазами. К вискам прилила тупая боль, и ей пришлось снова опуститься на спинку стула, медленно переводя дыхание.

Взгляд беспомощно скользнул по кабинету. Всё оставалось на своих местах: тяжёлый дубовый стол, книжные шкафы, старые картины в золочёных рамах, приглушённый свет настольной лампы. У окна неподвижно стоял Егор. Он смотрел куда-то в темноту за стеклом, словно происходящее в кабинете его не касалось, однако напряжённые плечи и сцепленные за спиной руки выдавали куда больше, чем его непроницаемое лицо.

И только потом её взгляд наткнулся на планшет, оставленный на краю стола.

На нём застыл тот самый кадр.

Инга.

Не живая. Не спящая. Не та женщина, с которой она ещё пару дней назал сидела за одним столиком в баре.

То, что от неё осталось.

Желудок вновь болезненно свело, к горлу подкатила горячая волна, и Алина, не успев отвернуться, резко согнулась.

Её вырвало прямо на пол.

Брызги попали на безупречно начищенные туфли Колесникова.

— Чёрт... — сквозь зубы выдохнул он, инстинктивно отступая назад.

Алина почти не слышала его, она продолжала судорожно хватать ртом воздух, прижимая ладонь ко рту, пока тело сотрясали болезненные спазмы. Желудок давно опустел, но приступ всё не заканчивался, словно организм пытался избавиться не от пищи, а от самого воспоминания.

Перед глазами снова возникло лицо Инги. Не то, привычное — с высокомерной улыбкой, насмешливым взглядом и уверенностью человека, привыкшего побеждать.

Другое. То, что стало с ним.

— Уберите... — едва слышно прошептала Алина, не узнавая собственного голоса. — Пожалуйста... уберите это...

Колесников брезгливо посмотрел сначала на испачканную обувь, потом на девушку. Он молча взял планшет, выключил экран и, бросив короткий взгляд на Егора, направился к двери.

Егор задержался.

Несколько секунд он просто смотрел на Алину, и в этом взгляде мелькнуло тяжёлое человеческое сочувствие, которое невозможно выразить словами. Однако уже через мгновение привычная сдержанность вновь заняла своё место, словно он сознательно запретил себе испытывать какие-либо эмоции. Не сказав ни слова, он вышел вслед за Колесниковым.

Дверь тяжело закрылась, щёлкнул замок.

В кабинете стало удивительно тихо.

Тишина смешалась с резким запахом нашатырного спирта и кислым запахом рвоты, повисшим в неподвижном воздухе комнаты, превращая её в тесную клетку, из которой невозможно выбраться.

Алина медленно закрыла глаза.

Ей казалось, что если не открывать их ещё немного, то всё произошедшее можно будет отменить. Что Инга окажется жива, что Бочаров не упадёт замертво посреди банкетного зала, что она сама сейчас проснётся в дешёвом номере старого пансионата и поймёт, что всё это было только кошмаром...

Но тело помнило правду.

Оно дрожало мелкой, выматывающей дрожью, а сердце колотилось так сильно, словно пыталось пробить грудную клетку.

"Это всё похоже на какой-то кошмар..."

Она заставила себя сделать глубокий вдох.

Потом ещё один.

И вдруг неожиданно ясно услышала в голове голос отца — такой отчётливый, будто он стоял совсем рядом.

"Вдох... раз... два... три... Выдох... раз... два... три... Не спеши, Алинка. Всё проходит. Даже самый сильный страх когда-нибудь заканчивается."

Она так давно не вспоминала его голос, что теперь, услышав его в собственной памяти, почувствовала, как к горлу подступают слёзы, которые сдержать оказалось почти невозможно.

В соседнем кабинете Колесников, вытерев туфли влажной салфеткой, которую ему принёс кто-то из подчинённых, мерил шагами пространство перед столом. Раздражение, которое копилось в нём с самого начала вечера, наконец прорвалось наружу и теперь уже не скрывалось ни за профессиональной выдержкой, ни за внешним спокойствием.

— Это спектакль, — резко произнёс он, остановившись напротив Егора. — Причём довольно дешёвый. Она изображает жертву, но я таких людей чувствую за километр. После всего, что у нас на неё есть, она предлагает поверить, что пришла сюда исключительно "понаблюдать за гостями"? Нет, Лебедев. Такие совпадения бывают только в плохих детективах.

Егор спокойно выдержал его взгляд.

— Ты видел её, когда она увидела запись с Ингой. Такое невозможно сыграть.

Колесников усмехнулся.

— Возможно всё, если человек привык делать шоу из чужих трагедий. Думаешь, я обязан поверить каждой её эмоции?

— Я не предлагаю тебе верить эмоциям, — так же спокойно ответил Егор. — Я предлагаю сначала проверить факты, а уже потом решать, виновата она или нет.

Подполковник остановился и медленно скрестил руки на груди.

— Каких ещё фактов тебе не хватает? Она — последний человек, с которым Бочаров разговаривал перед смертью. Она находилась рядом в момент его гибели. Она попыталась покинуть особняк через служебный выход. У неё обнаружены два паспорта, один из которых поддельный, фальшивая аккредитация и телефон, забитый фотографиями покойного ещё до и после смерти. Для задержания этого более чем достаточно. А если добавить сюда историю с Романовой, картина становится совсем прозрачной.

— Пока прозрачной она кажется только тебе, — возразил Егор. — Инга Романова погибла, но это ещё не означает, что Дмитриенко причастна к её смерти.

— В её крови нашли алкоголь и сильное снотворное, — жёстко напомнил Колесников. — За несколько часов до гибели Романова встречалась с неизвестным мужчиной, который привёз её домой, а спустя совсем немного времени её документы уже оказались у Дмитриенко. По-моему, это случайность?

— По-моему, это повод разобраться, а не делать выводы заранее. Вполне возможно, что Алина — не организатор всей этой истории, а человек, который оказался не том месте и не в то время.

Колесников недоверчиво прищурился, но Егор не дал ему вставить ни слова.

— Давай сделаем то, что обязаны сделать. Подними записи с камер наблюдения в доме и дворе Инги хотя бы за последние трое суток. Отследите передвижения Дмитриенко по Москве: банковские операции, такси, автомобиль, если он у неё есть, камеры городского наблюдения, телефонную активность. Пусть аналитики восстановят её маршрут по минутам. Если она профессионал и всё заранее просчитала, где-нибудь да ошибётся. Если же она действительно оказалась втянута в эту историю случайно, это станет понятно ещё быстрее.

Подполковник молча смотрел на него ещё несколько секунд. Раздражение никуда не исчезло, однако спорить с таким предложением было бессмысленно.

— Хорошо, — наконец процедил он. — Проверим.

Он достал телефон, вышел в коридор и уже на ходу начал отдавать короткие распоряжения. За дверью почти сразу слышались сухие команды, фамилии, номера подразделений и обрывки служебных формулировок.

Когда Колесников вернулся спустя несколько минут, Егор всё ещё стоял у окна. За стеклом темнел сад старой усадьбы, освещённый редкими фонарями, а в отражении можно было увидеть его задумчивое лицо.

— Пока группа занимается проверкой, есть смысл ещё раз поговорить с ней, — сказал он, не оборачиваясь. — Бочаров не стал бы рисковать просто так. Если он действительно передал ей флешку, значит, видел в ней что-то большее, чем очередную журналистку.

Колесников ничего не ответил, лишь молча направился к двери.

Когда они вошли обратно, Алина уже сидела прямо, хотя бледность по-прежнему не сходила с её лица. Под глазами проступили тёмные тени, губы оставались бескровными, однако взгляд снова стал осмысленным и собранным. Следы её недавнего приступа успели убрать, воздух в кабинете проветрили, и только едва уловимый запах нашатыря всё ещё напоминал о произошедшем.

Она молча посмотрела на вошедших, сцепив пальцы на коленях так крепко, что костяшки побелели.

Егор сел напротив неё, немного подавшись вперёд.

— Давайте ещё раз, спокойно и без спешки, — произнёс он. — Расскажите мне весь разговор с Бочаровым. Постарайтесь вспомнить каждую фразу, даже если она кажется Вам незначительной.

Алина медленно провела языком по пересохшим губам, собираясь с мыслями.

— Он сразу понял, что я за ним наблюдаю. Подошёл сам, спросил, зачем я это делаю, и я ответила — потому что это моя работа. Потом он посмотрел на бейдж... очень внимательно... и почти сразу сказал, что знает настоящую Ингу Романову. После этого потребовал объяснить, кто я такая.

— И Вы признались?

Она кивнула.

— Я хотела выкрутиться, но он... Скажем так, не оставил мне шанса на ложь. Сказала, что меня зовут Алина Дмитриенко, призналась про аккредитацию и про то, что приехала сюда ради материала.

— После такого признания любой другой человек просто вызвал бы охрану, — заметил Егор. — Почему этого не произошло?

Алина медленно опустила взгляд.

— Не знаю... Я тоже задавалась этим вопросом... Но думаю... из-за моего отца. Он сказал, что знал его. Потом спросил, неужели дочь такого человека опустилась до того, чтобы воровать документы ради громкой публикации. Я ответила, что делаю всё это не ради сенсации, а ради правды.

Она ненадолго замолчала. Вспоминая их разговор с Александром Юрьевичем, Алина устало покачала головой, до сих пор не веря в случившееся.

— Тогда он только усмехнулся и сказал, что правда — слишком опасное слово. После этого ушёл в какой-то закрытый кабинет, велел ждать, а когда вернулся... передал мне флешку и на листке написал какие-то цифры. Я решила, что это его номер телефона.

— Просто передал?

— Да. Сказал только, что я должна оставаться настоящим журналистом. И ещё... завтра мне будет о чём написать.

Она развела руками.

— Вот и всё. Когда я начала задавать вопросы, он ничего не ответил. Я даже не успела посмотреть, что находится на флешке...

Колесников тихо хмыкнул, однако вмешиваться не стал.

Егор несколько секунд молча обдумывал услышанное, затем медленно поднялся.

— Хорошо. Пока этого достаточно. Побудьте здесь ещё немного. Нам нужно проверить несколько вещей.

Они снова вышли, плотно прикрыв за собой дверь. Алина осталась одна.

Она медленно откинулась на спинку стула и закрыла глаза, но облегчения не почувствовала. Казалось, стоило лишь на мгновение остаться в тишине, как сознание снова начинало лихорадочно складывать события вечера в единую цепочку — и чем дольше она пыталась это сделать, тем меньше понимала происходящее.

— Ну что? — спросил Колесников, когда они снова остались вдвоём в соседнем кабинете. — Убедился? Она ничего не знает. Или очень убедительно делает вид.

— Не думаю, что она врёт, — спокойно ответил Егор. — По крайней мере, не во всём. Но ты ведь слышал главное.

Колесников нахмурился.

— И что же?

— Бочаров знал, что может умереть.

Подполковник недоверчиво посмотрел на него.

— С чего ты это взял?

— Он сказал ей: "Завтра Вам будет о чём написать". Я знал Бочарова достаточно долго, чтобы знать, что это не в его стиле. Такие вещи не говорят случайному журналисту, если собираются спокойно закончить вечер и поехать домой. Он понимал, что произойдёт нечто серьёзное. Более того, он к этому готов.

Колесников задумчиво провёл ладонью по подбородку.

— Допустим. Но тогда ещё меньше понятно, зачем понадобились флешка и этот номер телефона.

— Покажи номер.

Подполковник достал из папки прозрачный пакет для вещественных доказательств. Внутри лежал сложенный листок, вырванный из записной книжки Алины. Егор поднёс его ближе к свету и несколько секунд внимательно изучал цифры.

— Это точно не личный номер Бочарова, — наконец сказал он. — Я знаю его наизусть, не раз ему звонил.

— Может, кого-то из его окружения? Пресс-секретаря?

Егор уже держал в руках телефон. Он быстро открыл список контактов, сверил несколько номеров и отрицательно покачал головой.

— Нет. Ни пресс-секретарь, ни помощники. Московский номер, но мне он незнаком. Никогда раньше его не видел.

Он ещё раз взглянул на листок и положил пакет обратно на стол.

— А что с флешкой?

Колесников развернул к себе планшет, открыл содержимое накопителя и молча подвинул его Егору.

— Один файл, — сказал он с нескрываемым раздражением. — Эмблема экологической организации "Земля". Она существовала лет двадцать назад. И больше ничего. Одна картинка.

Егор удивлённо поднял брови.

— "Земля"?

— Именно.

— Странно.

— Не то слово. Либо старик вдруг ударился в сентиментальность, либо это какая-то подсказка, смысл которой мы пока не понимаем.

Егор ещё несколько секунд смотрел на экран, после чего медленно вернул планшет.

— Возможно. Но сейчас важно другое.

Колесников вопросительно посмотрел на него.

— Те, кто убил Бочарова, не знают, что флешка практически пустая. А значит, девушка автоматически становится следующей целью.

Подполковник скрестил руки на груди.

— Ты серьёзно? — Он смотрел на Егора с откровенным недоверием, почти с усмешкой. — Цель? Эта? Ты вообще представляешь, как это звучит? Убийцы Бочарова — профессионалы. Они устранили одного из самых охраняемых людей страны за несколько секунд, прямо в зале, на глазах у сотни свидетелей. И после этого они будут охотиться за какой-то девицей с чужим бейджем? Бред... — Сергей на секунду замолчал, а после расплылся в улыбке и с нескрываемой издёвкой продолжил: — Или ты тут имеешь какой-то собственный интерес? Пытаешься придумать способ, как выкрутить её из всей этой ситуации? Думаешь, что никто не заметил вашу реакцию при встрече друг с другом?

Егор не ответил сразу. Он смотрел в сторону, и на его лице не дрогнул ни один мускул. Слишком спокойно. Слишком ровно. Именно это спокойствие и выдавало его с головой.

— Да, мы познакомились днём. На приёме. Симпатичная. Только слепой бы этого не заметил. Хотя... — произнёс он, и в голосе прорезалась лёгкая, почти незаметная усмешка. — Учитывая твою реакцию, зрение тебе давно стоило бы проверить. Прицел явно сбился. А если принять во внимание, что она смогла повернуть всё это — попасть на форум, обойти твоих людей, обставить их как идиотов, — умом она тоже явно не обделена. Такие женщины встречаются редко.

Он выдержал короткую паузу.

— Но мы просто поговорили. Ничего большего. И это ничего не меняет.

— Тогда я до сих пор не понимаю, к чему весь этот разговор с "целью в лице Дмитриенко"? — спросил Сергей, устало склонив голову.

Егор несколько секунд молчал, словно обдумывая ответ.

— А если те, кто убил Бочарова, знают, что он успел что-то ей передать? Колесников нахмурился.

— Например?

— Например, ту самую информацию, ради которой его могли устранить.

Он подошёл к столу и опёрся ладонями о столешницу.

— Послушай... Бочаров должен был представить на форуме проект магистрального газопровода через Китай в Юго-Восточную Азию. Его холдинг финансировал больше половины проекта.

— И?

— У него был так называемый кодекс управления.

Сергей вопросительно поднял бровь.

— Пакет документов, — раздражённо пояснил Лебедев, — без которого невозможно принимать ключевые решения по проекту. Государственные гарантии, порядок управления, доступ к смарт-контрактам, распределяющим прибыль, перечень людей с правом вето...

Колесников поднял глаза к потолку, и в его взгляде читалась неприкрытая ярость. Он привык иметь дело с оперативными разработками, допросами и оружием. Бизнес-стратегии мультимиллиардных проектов были для него чуждой территорией, и это бесило его сильнее, чем он готов был признать.

— Лебедев, избавь меня от лекции по корпоративному управлению. Какое отношение всё это имеет к девчонке с поддельными документами?

— Это не лекция.

Егор выдержал короткую паузу.

— Кодекс исчез. Никто не знает, где он.

Колесников медленно, с расстановкой, словно разговаривал с человеком, который не понимает очевидных вещей, произнёс:

— Знаешь, Лебедев, я, конечно, понимаю, что в ваших кабинетах принято драматизировать. Но чтобы настолько... Кодекс. Ты сам-то слышишь, что говоришь? Ты мне сейчас рассказываешь, что из-за какого-то файла, пусть даже очень важного, люди готовы убивать. И не кого-нибудь, а Бочарова? Человека, которого порой охраняли лучше, чем некоторых президентов. И всё это — ради нескольких пикселей?

Он усмехнулся, но глаза остались холодными.

— Люди порой убивают и из-за пачки сигарет. А без этого документа проект встанет. Ты представляешь во что это выльется? Споры о контроле, заморозка траншей, геополитический скандал.

Егор говорил спокойно, почти без эмоций, но именно это спокойствие придавало словам особый вес.

— Если убийцы решили, что Бочаров передал этот кодекс Дмитриенко вместе с флешкой, её устранят прежде, чем ты успеешь оформить задержание.

В кабинете ненадолго повисла тишина.

Колесников медленно откинулся в кресле, провёл ладонью по лицу и тяжело выдохнул. Он не любил ситуации, построенные на догадках. С фактами работать было проще — их можно проверить, разложить по полочкам, превратить в доказательства. Предположения всегда раздражали его своей неопределённостью.

— Бочаров называл этот проект делом всей жизни, — продолжил Егор. — Я присутствовал на совещаниях и знаю, насколько серьёзно он к нему относился. Если перед смертью он передал что-то именно ей, значит, рассчитывал, что она выполнит определённую задачу. Посади её сейчас под замок — и мы сами перечеркнём его последний ход.

— А если она первым делом всё сольёт в свою редакцию? — спросил Колесников. — Завтра "Без фильтров" выпустит материал о том, что ФСО держит журналистку взаперти после убийства миллиардера. Такой вариант ты тоже просчитывал?

— Просчитывал.

— И?

— Она не станет этого делать, если правильно с ней разговаривать.

Колесников недоверчиво усмехнулся.

— Ты серьёзно думаешь, получится договориться с этой?.. — он запнулся, подбирая слово, и в его голосе прорезалось откровенное презрение, — с этой охотницей за грязным бельём? Да она же ради сенсации родную мать продаст, не то что нас с тобой. Ты видел, что она пишет? Это не журналистика, Лебедев. Это помойка. И ты хочешь доверить ей оперативную информацию?

— Она прилетела сюда за материалом. Дай ей возможность работать в пределах, которые мы сами определим. Пусть занимается тем, ради чего приехала: собирает сплетни, наблюдает, пишет о закулисные форумы. Нас совершенно не интересует, кто из банкиров изменяет жене или какой чиновник слишком долго просидел в лаунж-зоне с переводчицей, запустив руку ей под юбку. Пусть копается в этом сколько угодно. Главное — чтобы всё происходило у нас на глазах.

Подполковник молча слушал, не перебивая.

— Кроме того, — Лебедев чуть понизил голос, и в его тоне прорезалась едва уловимая насмешка, — она может услышать то, чего не услышим мы. Ты ведь и сам знаешь: стоит тебе появиться в зале с твоей физиономией, от которой шарахаются даже собственные подчинённые, и гости мигом прикусят языки. Никто не станет обсуждать Бочарова, пока ты стоишь в двух шагах и сверлишь каждого взглядом, будто уже подписал ордер. А её не заметят. Примут за обычную девушку, которых здесь десятки. И, возможно, именно поэтому она узнает то, что нам с тобой никогда не скажут в лицо.

Колесников невольно хмыкнул. Колкость ему явно не понравилась, но возразить было трудно.

Он медленно провёл пальцами по краю стола и некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

— Ты предлагаешь использовать её как приманку?

— Я предлагаю защитить её и одновременно выйти на тех, кто стоит за убийством. Это не приманка, Серёж. Это единственный способ закончить всё без новых трупов.

Подполковник долго молчал, глядя куда-то в стену. Затем резко выдохнул.

— Хорошо. Но я ставлю условия. Она не публикует ничего без нашего ведома. Ни одной строчки. Если я увижу в новостях хоть слово о Бочарове, о "кодексе", о флешке — она сядет. И ты, Лебедев, мне в этом поможешь.

— Договорились.

Они вернулись в кабинет почти одновременно. Алина подняла голову. Лицо всё ещё оставалось бледным, но взгляд был спокойным и внимательным. Она смотрела на мужчин и чувствовала, что сейчас решается что-то важное — не в масштабах страны, не в масштабах форума, а лично для неё. Словно она стояла на перекрёстке, где все дороги вели в тупик, и выбирать приходилось не между хорошим и плохим, а между плохим и очень плохим.

Первым заговорил Колесников.

— Мы приняли решение. Сегодня Вы отсюда не поедете ни в изолятор, ни домой.

Алина вопросительно посмотрела на него.

— Вы останетесь на форуме, — продолжил он. — Формально — как аккредитованный журналист. Фактически — под нашим контролем.

Она медленно перевела взгляд на Егора.

— Почему?

Ответил именно он.

— Потому что у нас пока слишком мало ответов. Мы не понимаем, что именно Бочаров имел в виду при вашем разговоре, но не можем делать вид, что этого разговора не было.

Несколько секунд в кабинете стояла тишина.

— Это значит, — снова заговорил Колесников, — что Вы продолжите работать, но как часть операции. Будете ходить по форуму, общаться с людьми, делать заметки, фотографировать. Всё как раньше.

Он сделал небольшую паузу.

— Но с одним отличием. Ни одна публикация не выйдет без нашего ведома. Ни одна запись не покинет Ваш телефон. Ни один разговор с редакцией — без согласования. Нарушите эти условия — разговор закончится совсем по-другому.

Алина слушала молча. Она была уверена, что после случившегося её арестуют прямо здесь, предъявят обвинение в использовании поддельных документов, а затем начнут разбираться со всем остальным. Вместо этого ей предлагали продолжить работу — правда, уже по чужим правилам.

— Если я соглашусь, — наконец спросила она, — что именно от меня потребуется?

— Делать то, что умеете лучше всего, — ответил Егор. — Наблюдать, слушать, задавать вопросы. Если узнаете что-то, что покажется Вам важным, сначала сообщаете нам. Только потом принимаете любые другие решения.

Колесников коротко кивнул.

— И ещё одно. Никакой самостоятельности. Если решите снова сыграть в одиночку, второго шанса уже не будет. И если Вы думаете, что сможете нас перехитрить, — он склонил голову, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на брезгливое любопытство, — поверьте, я встречал людей и похитрее Вас. Разница лишь в том, что у них хотя бы были принципы. Пусть и паршивые, но были. А у Вас... — он сделал короткую паузу, и его губы тронула кривая усмешка, — у Вас даже этого нет. Так что не стройте иллюзий. Вы здесь не потому, что я Вам доверяю. Вы здесь потому, что так решил Лебедев и убедил меня в возможной пользе от Вашего присутствия. И если его расчёт не оправдается, я лично прослежу, чтобы Вы ответили за всё. По полной.

Алина медленно выдохнула. Выбор, по сути, отсутствовал. Она могла отказаться — и тогда последствия были слишком очевидны. Или согласиться и попытаться разобраться, во что её втянул Бочаров за несколько минут до своей смерти.

— Хорошо, — сказала она. — Я согласна.

Колесников удовлетворённо кивнул.

— Вот и отлично.

Он первым направился к двери, оставив её приоткрытой.

Егор задержался на пороге.

— Я не знаю, почему Александр Юрьевич выбрал именно Вас, — сказал он уже спокойнее. — Но если человек вроде него в последние минуты жизни принимает такое решение, значит, оно было не случайным. Постарайтесь не забывать об этом.

Он вышел вслед за Колесниковым. Дверь тихо закрылась.

Алина ещё некоторое время сидела неподвижно, пытаясь собрать воедино всё, что произошло за этот бесконечно длинный день. Утром она приехала в Сочи за громким материалом, а теперь оказалась втянута в историю, масштаб которой пока даже не могла оценить.

Формально она оставалась свободной. На деле каждый её следующий шаг должен был происходить под чужим контролем, и выбора, соглашаться с этим или нет, у неё практически не осталось.

Она посмотрела на свои руки. Они всё ещё едва заметно дрожали — уже не от страха, а от усталости, которая наконец начала брать своё. Впервые за этот день ей захотелось не искать ответы, а просто остаться одной хотя бы на несколько минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.